

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ М. В. ЛОМОНОСОВА

Нестор-История
Санкт-Петербург
2013

УДК 811.161.1'38

ББК 81.2Рус-5

Ф54

*Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН*

Рецензенты:

д-р филол. наук, зав. отделом С. А. Мызников (Ин-т лингвист. иссл. РАН)

д-р филол. наук, проф. О. Н. Гринбаум (С.-Петерб. гос. ун-т)

Ф54 Филологическое наследие М. В. Ломоносова : коллективная монография
/ отв. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. — СПб. : Нестор-
История, 2013. — 480 с.
ISBN 978-5-4469-0118-0

Коллективная монография участников проекта «Словарь языка М. В. Ломоносова», осуществляемого в настоящее время в ИЛИ РАН, посвящена вопросам филологического дискурса М. В. Ломоносова (риторика, грамматика, поэтика, стилистика), освещает некоторые особенности его идиолекта. Отдельный раздел представляет историю доломоносовских грамматик в Российской академии наук. Части монографии объединены стремлением авторов показать, как формировалась филологическая традиция в России XVIII века. В основу книги легли доклады и сообщения, сделанные на научной конференции «Филологическое наследие М. В. Ломоносова», которая прошла в ИЛИ РАН 25–26 октября 2011 г.

Монография предназначена для историков русского языка, студентов и аспирантов гуманитарных факультетов высших учебных заведений, филологов и историков, любителей русского языка и культуры.

УДК 811.161.1'38

ББК 81.2Рус-5

Издание подготовлено при финансовой поддержке
гранта РГНФ № 10-04-00308а

«Словарь языка М. В. Ломоносова»
(руководитель С. С. Волков);
гранта РГНФ № 11-04-00206а

«Идиолект М. В. Ломоносова и европейский научный дискурс XVIII в.»
(руководитель К. А. Филиппов);
гранта РГНФ № 11-34-01222

«Формирование академической лингвистической традиции»
(руководитель Н. В. Карева),
гранта РГНФ № 12-04-00109а

«Исследование риторических трудов М. В. Ломоносова
(лингвистический и историко-культурный аспекты)»
(руководитель П. Е. Бухаркин)

ISBN 978-5-4469-0118-0

© Коллектив авторов, 2013

© ИЛИ РАН, 2013

© Издательство «Нестор-История», 2013

*А. А. Ветушко-Калевич
(ИЛИ РАН / СПбГУ)¹*

**«ПОЛИГИСТОР»
ДАНИЭЛЯ МОРХОФА
О РИТОРИКЕ**

Ключевые слова: Даниэль Георг Морхоф, история риторики, новая латынь, библиографические справочники.

В главе рассматривается риторический раздел в монументальном библиографическом труде Даниэля Георга Морхофа (1639–1691) «Полигистор», до сих пор остававшемся без внимания как российских, так и, по большей части, зарубежных исследователей.

Шведский филолог Ханс Хеландер написал статью о значении и перспективах новолатинских исследований. Говоря об основных новолатинских трудах, отражающих прогресс человеческого знания и соответственно развитие латинской терминологии в Новое время, он удивляется странному невниманию со стороны исследователей к «Полигистору» Даниэля Морхофа (Helander 2001: 17)². В этом труде на 1882 страницы (если брать последнее издание) отражена, да еще и с комментариями, современная автору библиография по всем областям человеческого знания, что делает его настоящим кладом как для неолатиниста,

---

¹ Арсений Анатольевич Ветушко-Калевич, магистрант кафедры классической филологии СПбГУ, лаборант ИЛИ РАН.

² Хеландер, в частности, обращает внимание на то, что в знаменитом “Companion to Neo-Latin Studies” Йозефа Эйзевейна «Полигистор» лишь коротко упомянут (Ijsewijn 1977: 129; Ijsewijn, Sacré 1998: 198).

так и для любого желающего ознакомиться с историей развития той или иной научной дисциплины в XV–XVII веках. Разумеется, автор этой энциклопедии не обходит вниманием и риторiku, но об этом — чуть позже; сначала несколько слов о нем самом³.

Даниэль Георг Морхоф родился в Висмаре 6 февраля 1639 года. Получив начальное образование в Висмаре, а затем в Штеттине, в марте 1657 года Морхоф поступил в университет Ростока, чтобы в соответствии с желанием отца изучать юридические науки. Он жил в доме юриста Хайнриха Ранена, который познакомил его с поэтом Андреасом Чернингом, что способствовало развитию у Морхофа интереса к поэзии. После смерти Чернинга в 1660 году Морхоф занял его место в качестве профессора красноречия и поэзии Ростокского университета. Перед вступлением в эту должность Морхоф совершил учебную поездку в Голландию и в Англию, посетив, в частности, Лейден и Оксфорд, и на обратном пути получил во Франекере (Нидерланды) степень доктора права. В 1665 году, когда герцог Кристиан Альбрехт основал Кильский университет, Морхоф стал одним из его первых профессоров, а в дальнейшем четырежды становился ректором университета. В 1670 году он предпринял еще одну поездку в Голландию и Англию, во время которой встречался в Утрехте с Греффе, в Гааге с Хейнсом, Гюйгенсом-старшим и Маркардом Гуде, а в Англии с Робертом Бойлем и Исааком Фоссом. В 1673 году Морхоф получил в Ростокe должность профессора истории, а в 1680 — главного университетского библиотекаря. Скончался Морхоф 30 июля 1691 года в Любеке.

Среди произведений Морхофа (основную массу которых составляют небольшие научные исследования и письма коллегам, а также немецкие и латинские стихи) выделяются два. Первое из них — «Учение о немецком языке и поэзии», впервые опубликованное в 1682 году. Эта книга делится на три части: первая посвящена истории языка, вторая — истории

---

³ Биографические сведения приводятся по соответствующим статьям в ADB и KNLL.

литературы, а третья — теории поэзии. Наиболее важной в наши дни считается вторая часть, благодаря которой автора часто называют первым историком мировой литературы. Морхоф заменяет простые библиографические описания элементами критического взгляда на литературные памятники, а также стремится не только дать обзор истории немецкой литературы, но и поместить ее в контекст истории других европейских литератур — французской, итальянской, испанской, английской и голландской. Кроме того, в книге Морхофа впервые описывается история скандинавской поэзии, в которую он включает также финскую и саамскую. Историю немецкой литературы Морхоф разделил на три периода: первый период — от упомянутых Тацитом германских песен до Карла Великого, второй период включает в себя древневерхненемецкую, средневерхненемецкую и раннюю нововверхненемецкую литературу, третий период начинается с Мартина Опица и продолжается во время жизни самого Морхофа. Наиболее выдающимся из немецких поэтов своего времени Морхоф называет Пауля Флеминга.

Второе из двух важнейших произведений Морхофа — энциклопедия по истории науки и литературы под названием “Polyhistor literarius, philosophicus et practicus”. Энциклопедия эта является гигантской компиляцией, посвященной всем ученым занятиям автора за время его работы в университетах, распадающейся в соответствии с названием на три части — “Polyhistor literarius”, “Polyhistor philosophicus” и “Polyhistor practicus”, причем сам автор успел издать только две из семи книг первой части, вышедшие в Любеке в 1688 году. Из них первая, “Liber Bibliothecarius”, о манускриптах, библиотечных каталогах, запрещенных и анонимных книгах, книгах по мистике и алхимии. Во второй книге, “Liber Methodicus”, рассматриваются различные взгляды на воспитание и образование. Третью книгу первой части уже после смерти Морхофа издал в 1692 году Хайнрих Мюле; она называется “Liber параскевастикός” — о нахождении и отборе стилистических примеров с целью их дальнейшего применения

в устной и письменной речи. Книги с четвертой по седьмую (“*Liber Grammaticus*”, “*Liber Criticus*”, “*Liber Oratorius*”, “*Liber Poeticus*”), а также вторая (по философии, естественной истории, физике, магии, логике, математике) и третья (где рассматриваются этика, политика, историография, теология, юриспруденция, медицина) части были изданы в 1708 году на основании конспектов слушателей Морхофа. Четвертое полное издание «Полигистора» с добавлениями Иоганна Альберта Фабрициуса, вышедшее в 1747 году, в последний раз было издано репринтом в 1970 году.

Для истории риторики основной интерес в «Полигисторе» представляет шестая книга первой части — “*Liber Oratorius*”, точнее, первая ее глава — “*De scriptoribus rhetoricis*”. Здесь дается перечисление наиболее выдающихся древних и новых риторов (несколько десятков имен) с краткой характеристикой и, что особенно ценно, библиографическими данными. Когда речь идет о древних, перечисляются также основные комментарии и латинские переводы греческих риторов, причем Морхоф не скупится на резкие слова в адрес наиболее некачественных из этих переводов.

Риторический обзор Георга Даниэля Морхофа (как, разумеется, и его обзоры по ряду других дисциплин) представляется интересным в двух отношениях:

1) это важный библиографический справочник по риторике XVI–XVII веков;

2) это довольно интересный взгляд современника на риторику XVI–XVII веков — конечно, не единственный, несколько поверхностный и местами довольно субъективный, но очень ценный благодаря фантастическому кругозору автора — одного из образованнейших людей своего времени.

Повествование начинается с Аристотеля. Он назван крупнейшим греческим ритором, который в трех небольших книгах объяснял всю необъятную риторику, за исключением фигур. Комментарии к «Риторике» Аристотеля уже ко времени жизни Морхофа существует множество, и он указывает наиболее важные из них.

За Аристотелем следует Деметрий Фалерский. В XVII веке как раз начинается бурная полемика о том, действительно это Деметрий или нет; Коссен и Исаак Фосс, сообщает Морхоф, отрицают авторство Деметрия. Перечислив другие труды, приписываемые Деметрию, Морхоф тут же указывает тематически близкие им труды своих современников.

За коротким параграфом, посвященным Дионисию Галикарнасскому, следует утверждение о том, что Гермоген и Лонгин в риторике стоят выше его. Несмотря на то, что Гермоген, в соответствии с его жизнеописанием у Флавия Филострата, был среди мальчиков стариком, а среди стариков мальчиком, его книги относятся к основным сокровищницам риторики. Приводится цитата из иезуита Андре Схотта, ставящего Гермогена выше Аристотеля и Цицерона, но сам Морхоф считает, что Гермоген уступает и Лонгину. В главе о Лонгине мы встречаем самое длинное у Морхофа перечисление удачных и неудачных, и даже несостоявшихся, переводов на латынь. Сомнений же в авторстве Лонгина, разумеется, еще нет, поскольку они появятся только в XIX веке.

Затем кратко перечисляются прочие греческие риторы — Аристид, Менандр Ритор и др. Завершается греческая часть параграфом про Афтония, чья книга представляет из себя популярные упражнения в красноречии для начинающих, но страдает ориентированностью на софистов.

О древних латинских риторах сказано на удивление мало. Главным среди них назван, разумеется, Цицерон. Тут же упомянут современный Морхофу компендий под названием «Тул-лиолы», где в сжатом виде собрано все риторическое учение Цицерона.

На втором месте после Цицерона стоит Квинтилиан; Морхоф утверждает, что без знакомства с ним невозможно здраво рассуждать о риторике. Затем следует очень краткое перечисление изданий прочих древних латинских риторов, а после него — неожиданный скачок в XVI век.

Риторы XVI–XVII веков расположены в более или менее произвольном порядке, о чем говорит и сам Морхоф в § 9. Начинает Морхоф с балеарца Антония Луллия, которого призывает не путать с его более знаменитым предком Раймундом Луллием. Антоний Луллий ориентируется, в основном, на Гермогена. Его книгу Морхоф характеризует как очень добросовестно написанную и отмечает, что Луллием часто пользовался при написании своего трактата Фосс-Младший.

Затем перечислены несколько уроженцев Италии. Это, во-первых, Франческо Робортелло, открывший рукопись Лонгина. Он вернул учение о фигурах к истокам и вслед за Аристотелем прояснил различия между поэтическим и ораторским слогом. Робортелло принадлежит каталог всех фигур из греческих и латинских авторов, однако принципы составления этого каталога Морхофу не ясны. Робортелло — единственный автор, о котором Морхоф пишет еще и как о человеке, отмечая его надменность и даже рассказывая анекдот из его жизни: дескать, Робортелло, произнося похвальное слово почившему Карлу V, остановился на вступлении, забыв всю дальнейшую подготовленную речь.

Робортелло — консерватор; ему противопоставляется Франческо Патрици, бывший новатором почти во всех науках; однако его «Диалоги о Риторике» Морхоф сам не видел. Здесь же упомянут другой новатор — Томмазо Кампанелла; но все странности этого человека, говорит Морхоф, описывать в данном контексте неуместно. Завершается итальянская часть упоминанием Паоло Бени, преподававшего в Падуе.

Любопытно отметить, что ни один из перечисленных итальянцев не относится к XV веку, т. е. ко времени расцвета итальянского гуманизма. Возможно, стоит приписать это желанию Морхофа поставить Италию как бы на одну доску с Германией; однако естественнее, как кажется, будет предположить, что дело в «прикладных» целях Морхофа: он хочет описать наиболее новую и доступную литературу по каждому предмету —

в данном случае по риторике — а не пишет историю науки ради истории науки.

Из немцев первым назван Иоганн Штурм, самый влиятельный немецкий педагог в свое время, т. е. в конце XVI века. Его книги не потеряли, по словам Морхофа, своей актуальности, однако его ученик Мельхиор Юнг «своей основательностью превзошёл усердие учителя» и больше Штурма годится для начинающих. Юнг собирал речи из греческих и латинских историков и издавал их с риторическими предисловиями. Морхоф перечисляет сразу несколько полезных трудов этого ученого, тратя на него почти страницу; параграф про Юнга — один из самых длинных в риторическом обзоре Морхофа.

Августу Бухнеру принадлежит труд “*De commutata ratione dicendi*”; в основном там говорится о грамматических, а не о риторических фигурах речи. Письма Бухнера — образец как прекрасной цicerоновской латыни, так и риторического искусства. В противоположность ему Валентин Тилон хорош только как теоретик, но не как практик. Этот человек издал пособие с речами из Курция Руфа и написал еще несколько книжек, которые Морхоф прямо называет «посредственными».

Далее следует относительно большой раздел, начинающийся с фразы: «Как во всех науках, так и в риторике нашлось несколько толковых иезуитов». Из них Морхоф очень хвалит Луи Крезоя, выделяя, в частности, его книгу “*Vacationes Autumnales*” — об использовании жестов и тона, иначе говоря, об искусстве, которое древние называли «актёрским».

О Николае Коссене сказано очень коротко — три строчки. Более удобным в употреблении Морхоф называет Якоба Мазена, однако у Мартена дю Синя изложение более упорядочено, чем у Мазена. В книге дю Синя, отмечает Морхоф, проведен риторический анализ всех речей Цицерона.

Альберто Альберти непригоден в качестве учебника; он пытается указать на недочеты современных ораторов, но при этом сам злоупотребляет красноречием. Ещё один обличитель современности — Франциск Вавассёр, который резко выступает

против новейших плебейских тенденций в ораторском искусстве и в отличие от Альберти производит на Морхофа положительное впечатление. Однако Вавассёр не отучил других иезуитов от излишнего новаторства, ярким примером чего является Франсуа Помей. Его книга называется “*Novus Rhetoricae Candidatus*”, но содержательно нового, вопреки названию, в ней почти ничего нет, зато с методологической точки зрения она изобилует неудобствами. Морхоф явно очень внимательно прочитал Помея и яростно и пространно его критикует. «Хотелось бы посмотреть, — говорит Морхоф, — каков на практике будет оратор, учившийся только по этой книге». Основные недостатки Помея связаны с преподаванием искусства говорить без подготовки; более положительные примеры по этой части оставили Жан-Сесиль Фрэ и Михаэль Радау. Наконец, коротко и нейтрально упомянуты иезуиты Сигизмунд Лауксмин и Жак Юг. «Среди прочих иезуитов, — заключает Морхоф, — скольконибудь выдающихся очень мало».

Далее в изложении Морхофа трудно выделить уже не только порядок перечисления, но и просто какие-либо группы авторов.

Риторика Георгия Трапезундского, издававшаяся многократно, — прекрасный синтез учений Аристотеля и Гермогена. В то же время Георгию Трапезундскому ничуть не уступает Хуан Луис Вивес, который, по словам Геснера, «так соединил красноречие с премудростью, что всякий образованный человек признает, что из их чтения почерпнул ту или иную пользу».

Нельзя забывать, говорит Морхоф, и о “*De copia verborum et rerum*” Эразма Роттердамского: эта книга всем известна, но ее мало кто читает.

Далее совсем коротко упомянуты Якоб Омфал, Иоганн Бенц, Иоганн Шеффер и другие авторы, писавшие об отдельных разделах риторики. За перечислением этих людей, спохватывается вдруг Морхоф, мы чуть не забыли о тех, кто писал о риторике в целом; и среди них главное место занимает Герхард Иоганн Фосс. Его важнейший труд — “*Oratoriae institutiones*” — демонстрирует исключительную начитанность Фосса в древних риториках и многократно переиздавался во всей Европе.

Далее следует Педро Хуан Нуньес, которого упоминавшийся уже в связи с Гермогеном Андре Схотт считает главным испанским ритором. Однако «Риторику» Нуньеса Морхоф никогда не видел, в отличие от его знаменитого словаря цicerоновских эпитетов. Тут же перечисляются издатели других словарей языка Цицерона: еще одного словаря эпитетов, словаря наречий, словаря синонимов, словаря антитез (!). Продолжая разговор о синонимах, Морхоф рекомендует прекрасный словарь латинских синонимов Вольфганга Шёнследера под названием “*Apparatus Eloquentiae*”.

Затем кратко упомянуты риторические труды Иоганна Тесмара и Марка ван Боксгорна; между тем, в наши дни последний известен в первую очередь как создатель индо-скифской языковой теории, т. е. как один из важнейших предтеч современной индоевропеистики.

Морхоф язвительно и довольно пространно критикует Мельхиора де ла Серда и особенно Иоганна Майфарта, всячески обыгрывая названия их трудов («Поля красноречия» и «Ораторская пасека» соответственно). Майфарта Морхоф вдобавок называет *magnum puerorum delictum*, «большая забава отроков».

Достается от Морхофа и Иоганну Кларку, собравшему формулы риторических переходов. Морхоф недоумевает, зачем после лондонского издания эту книгу еще и переиздали в Германии. Нет ничего хорошего и в маленьком «Риторическом и ораторском указателе» Томаса Фарнаби, а риторическое пособие Шарля Пажо (издавшего, между прочим, французско-латинский словарь) — заурядная компиляция.

Далее перечисляются риторические пособия по жанрам, отличным от ораторской прозы: Карло Сигонио написал книгу о том, как сочинять диалоги, а Себастьяно Маччо — о том, как писать историю; то же проделал Агостино Маскарди, но по-итальянски. Наконец, в качестве финального курьеза упоминается книга Льва Аллация о речевых ошибках великих людей.

Последняя страница обзора посвящена риторикам на национальных языках — французском и немецком. Морхоф

хвалит трактат «Размышления о красноречии» Рене Рапена (более известного своим латинским дидактическим эпосом о садоводстве), а также «Французскую риторiku» Рене Бари и различные книги Доминика Буура. Из попыток написать риторiku по-немецки самую удачную предпринял Кристиан Вайзе; кроме него как пионеры в этой области упомянуты еще Рудольф Заттлер и пресловутый Майфарт.

Приведем текст риторического обзора с переводом⁴. В латинском тексте сохранены орфография, пунктуация и курсивы последнего издания (1747), но — отчасти благодаря сверке с предыдущими изданиями (1708, 1714, 1732) — исправлен ряд опечаток; каждое исправление отмечено в сносках.

---

⁴ Перевод выполнен А. А. Ветушко-Калевичем. На русском языке публикуется впервые (*прим. ред.*).

1. Ex quo de *Grammaticis Criticisque* Scriptoribus, et, quos his anneximus, *Antiquariis*, actum a nobis est, nihil magis concinnum, quam ut ad RHETORES nunc vel ORATORES progrediamur; videlicet quorum ars, si velit esse alicujus momenti, Grammaticen Criticenque haud dubie praerequirat: quum sine judicio, et Antiquitatum cognitione, infelix plane Orator sit, nedum Grammatices scientia destitutus eum in censem venire ullo modo queat. Contra subactus probe iis artibus animus magno se in Oratoria arte adjumento esse levatum, longeque felicius, quam si careret, progredi posse sentiet.

2. Ut autem communis omnis sapientiae Artiumque omnium fons e Graecia arcessendus est: ita sane Eloquentiae flumen haudquam ex alia regione profluit: sed inde potius hausisse sua Latinos magnos etiam et incomparabiles Oratores cernimus, atque ea unda totos prolixi sese passos, quotquot uspiam clari Rhetores extiterunt. Sed vero inter Graecos etiam Rhetores late regnum tenet optimus maximusque eloquentiae magister, ARISTOTELES, quo Viro nemo plenius, in ista brevitate, subtiliusque artem Oratoriam tradit, quam exigua trium librorum mole fere omnem exhaustam cernas: excepta solum figurarum doctrina, quae ab ipso non est exculta; neque Characterum diversitas, in quibus ceteri post Aristotelem praeclaram operam posuerunt. Extat vero in Rhetoricos illius libros integra *Commentatorum* sylva, quos Israël Spachius, in *Nomenclatore* Scriptorum Philosophicorum, recenset. Graecorum veterum ἀνώνυμων Volumen Paris. 1539. in fol. publicavit Conr. Neobarius. E recentioribus M. Ant. Majoragius, Ant. Riccobonus, Pet. Victorius, ceteris meliores sunt; et praesertim praestat postremus, Florent. 1579. apud Juntas in fol. excusus: sed, si usum spectes, omnibus antecellit Christoph. Schraderus, Professor Helmstadiensis, cujus extat *Commentarius* in Aristotelis Rhetorica uberrimus Helmstadii 1674. in 4. editus. Solet alias objici Aristoteli aridum dicendi genus, et quod nihil minus, quam eloquentiam prae se ferat. Attamen, et eloquentem illum fuisse, et male tantum ab interpretibus acceptum, defendit Leon. Aretinus *Epist.* lib. IV. p. 177.

1. После того как мы рассмотрели писателей грамматических и критических, присовокупив к ним знатоков древностей, нет ничего более уместного, чем перейти теперь к риторам или ораторам, ведь чтобы их искусство имело какое-то значение, несомненно требуется знакомство с грамматикой и критикой, ибо без способности к рассуждению и без знания древностей оратор совершенно никуда не годится, и тем более никак не может быть причислен к ораторам тот, кто лишен познаний в грамматике. И наоборот, ум, порядочно подкованный в этих искусствах, почувствует, что обеспечен для ораторского искусства великой подмогой и что может развиваться гораздо успешнее, чем если бы был этой подмоги лишен.

2. Подобно тому, как общий источник всей премудрости и всех искусств следует искать в Греции, так, конечно, и река красноречия проистекает именно из этой земли, а уже оттуда, как видим, почерпнули свое искусство также великие и несравненные латинские ораторы, и этой влагой везде омывались все знаменитые риторы, сколько их ни было. А среди греческих риторов господствующее место занимает превосходнейший и величайший учитель красноречия, Аристотель; никто полнее сего мужа, при всей его краткости, и точнее его не преподает ораторское искусство, которое он, как можно увидеть, в трех небольших книгах охватил почти целиком, за исключением разве что учения о фигурах, которым он не занимался, и различия стилей, над которыми замечательно потрудились после Аристотеля другие. К книгам его «Риторики» существует целый лес комментариев — их перечисляет в «Номенклатуре философских писателей» Израэль Шпах. Том старинных анонимных греческих комментариев издал Конрад Необар (Париж, 1539, ин-фолио). Из новейших комментаторов лучше других Маркантонио Майораджо, Антонио Риккобоно и Пьетро Веттори; особенно превосходен труд последнего (Флоренция, Джунти, 1579, ин-фолио); но в отношении удобства использования из всех выделяется хельмштедтский профессор Кристоф Шрадер, которому принадлежит подробнейший комментарий к «Риторике» Аристотеля (Хельмштедт, 1674, ин-кварти). Многие обвиняют Аристотеля в сухом слоге и в том, что сам он никаким красноречием не обладает. Однако Леонардо Аретино («Письма», т. IV, с. 177), настаивает, что он вполне красноречив и только плохо переведен.

3. Proximus ab Aristotele Rhetor, cujus scripta nostram aetatem attigerunt, est DEMETRIUS PHALEREUS, si modo genuinus ille Auctor libri περὶ ἑρμηνείας, *de Interpretatione*, seu, ut alii vertunt de Elocutione, quem, sub Demetrii nomine, primus edidit Aldus Venet. Graece in fol. An. 1508. et quem non solum Fred. Morellus Paris. 1555. in 8. recudit, sed et quem suis Commentationibus illustrandum summere Viri doctissimi, Petrus Victorius Florent. An. 1562. Stanislaus Ilovius Basil. 1557. Franc. Panicarola, paraphrasi Italice scripta, cui titulus: *Il Predicatore, overo Parafrase all libro dell' Elocutione di Demetrio Falereo*: Venet. 1609. Joh. Caselius, aliique. Panicarola etiam inprimis in eo occupatus est, ut praecepta Demetrii ad sacram Elocutionem applicet. Sed tamen non desunt interim rationes, quae falso adscribi Demetrio illum librum persuadeant: quas inter inprimis eminet illa, quod Auctor libri Demetrii testimonio in tertia persona utatur. Ob hanc, et alias, Nic. Causinus, in libro de Elocutione, Demetrio foetum illum abjudicat. Et, quamquam Gaddius, T. I. de Scriptoribus Non-Eccles. p. 155. affirmativam adversus Causinum tueatur: male tamen id fieri, perperamque tribui Demetrio librum, qui Dionysii Halicarnassei sit, Is. Vossius de Poëmatum cantu p. 91. monet. Ceterum extant praeterea quaedam opuscula Demetrii, quibus praecepta continentur de membris et incisis: de periodo ejusque partibus; de componendis Epistolis, et de Characteribus dicendi: quae Latine apud Rob. Winter in 4. ex interpretatione M. Antonii Antimachi, Basileae edita sunt: et, ob egregie monstratam periodorum rationem, legi omnino debent. Jungi iis possunt, ob vicinitatem materiae, e recentioribus Strebaeus de Electione verborum; Jovita Rapicius^a, Brixianus de Numero Oratorio: Sigism. Lauxmin in Praxi Oratoria: Joh. Sturmius et Val. Erythraeus de Periodis: Pascutius de dignitate, copia, pedibus in oratione servandis: Joach. Fortius de formis dicendi et periodis: etc. sed de quibus paulo fusius infra.

---

^a Jovianus Rapita *edd.*

3. Ближайший к Аристотелю ритор, произведения которого дошли до наших дней, — Деметрий Фалерский, если только это настоящий автор книги περὶ ῥητορείας, «Об истолковании», или, как переводят другие, «О стиле», которую под именем Деметрия первым издал Альд по-гречески (Венеция, 1508, ин-фолио). Его не только переиздал Фредерик Морель (Париж, 1555, ин-октаво), но и снабдили своими комментариями ученыйшие мужи Пьетро Веттори (Флоренция, 1562), Станислав Иловский (Базель, 1557), Франческо Паникарола — с итальянским переложением под названием «Проповедник, или Переложение книги Деметрия Фалерского о стиле» (Венеция, 1609) — Иоганн Кессель и другие. Паникаролу также весьма заботит применение указаний Деметрия к церковному красноречию. Между тем, имеются поводы думать, что эта книга приписывается Деметрию ложно; важнейший среди них заключается в том, что автор книги пользуется свидетельством Деметрия в третьем лице. По этой и другим причинам Николя Коссен в книге «О стиле» отказывает Деметрию в авторстве этого произведения. И хотя Гадди («О нецерковных писателях», т. I, с. 155), защищает, вопреки Коссену, его подлинность, Исаак Фосс («О пении поэм», с. 91) указывает на то, что это делается напрасно и Деметрию ошибочно приписывается книга, написанная Дионисием Галикарнассским. Кроме того, существуют малые произведения Деметрия, в которых содержится учение о членах и звеньях, о периоде и его частях, о сочинении писем и о стилях речи. Они были изданы в латинском переводе Маркантонио Антимако (Базель, Роберт Винтер, ин-кварто) и благодаря прекрасному разъяснению теории периодов заслуживают неперменного прочтения. В силу близости предмета из новейшего можно присовокупить к ним «О выборе слов» Жака Луи Стребе, «Об ораторском ритме» Джовиты Равиццы Брешианского, «Ораторскую практику» Сигизмунда Лауксмина, «О периодах» Иоганна Штурма и Валентина Эритреуса, «О соблюдении в речи достоинства, изобилия, ритма» Пасколи, «О формах речи» и «О периодах» Иоахима Штерка а также другие, о которых немного пространнее будет сказано ниже.

4. Is vero DIONYSIUS HALICARNASSAEUS, cui librum περὶ ἑρμηνείας, Demetrio male adscriptum, deberi paulo ante e Vossio monebamus, aliis quoque scriptis editis de Rhetorice praeclare meruit. Prostat enim *Ars* ejus *Rhetorica* de compositione orationis, elocutione, praeceptis orationis panegyricae, nuptialis, natalitiae, etc. quam Graece primus excudit Aldus Venet. 1508. Latine postmodum transtulit M. Anton. Antimachus, et Basil. 1539. in 4. publicavit. Extat ejus de Compositione Verborum^a liber scriptus ad Rufum, editusque Graece, una cum Arte Rhetorica Paris. 1547. apud Rob. Stephanum nitidissime. Extant *Iudicia de priscis Oratoribus, eorumque Characteribus*, qui liber eruditione multa et judicio inprimis refertus est, separatim editus Venetiis An. 1513. apud Aldum. Pertinet quoque huc libellus περὶ συνθέσεως ὀνομάτων, de *nominum collocatione*^b, Argentorati a Joh. Sturmio, in ejus libello de Periodis publici juris factus. Ut adeo non historici minus, quam clarissimi Rhetoris Criticique, nomen doctissimis lucubrationibus sibi paraverit Dionysius.

5. Sed tamen superatur in Rhetorice tractanda, a duobus aliis, quos posterior aetas tulit, HERMOGENE, qui Marci Aurelii tempore clarus erat, et LONGINO, quem, Zenobiae in pretio habitum, intermit Aurelianus: uterque inter Rhetores magnum nomen. Et prior quidem ille plus valuit adolescens juvenisque, quam vir aut senex: quippe qui anno aetatis 15. tanto cum applausu docuit, ut Marcum quoque Aurelium Imp. ad se audiendum acciret, haberetque admiratorem: contra vero, 24. natus annos, omnem illam ingenii praecocis vim, miro naturae deliquio, absque morbi ullius vi, amisit penitus, et sibimet ipsi dissimillimus vulgaribus e plebe hominibus posthac accensitus est: non sine salso Adversariorum scommate, qui Hermogenem *inter pueros senem, et inter senes puerum*, dictitabant: prout e Philostrato refert Suidas. Decimo octavo autem aetatis anno libros scripsit, qui et tunc probati omnibus una consensione sunt, et hodie superstites inter praecipua artis Rhetoricae κειμήλια

---

^a de Compositione Orationis *edd.*

^b collatione *ed.* 1747.

4. Дионисий Галикарнасский, которому, как мы, следуя Фоссу, чуть выше указали, принадлежит книга περὶ ἐριμνείας, ошибочно приписываемая Деметрию, оказал риторике выдающиеся услуги также и другими изданными трудами. Ведь существует его «Риторическое искусство» о составлении речи, стиле, наставлениях по хвалебной речи, свадебной речи, речи в честь дня рождения и др., впервые напечатанное по-гречески Альдом (Венеция, 1508). На латынь его позднее перевёл Маркантонио Антимакко (Базель, 1539, ин-кварто). Существует его книга «О сочетании слов», написанная для Руфа и великолепно изданная по-гречески Робером Этьеном вместе с «Риторическим искусством» (Париж, 1547). Есть у него и «Суждения о древних ораторах и их стилях». Эта книга, наполненная всяческой ученостью и хорошим вкусом, была издана в типографии Альда отдельно (Венеция, 1513). Сюда также относится книжка περὶ συνθέσεως ὀνομάτων, «О соположении имён»^а, опубликованная в Страсбурге Иоганном Штурмом вместе с его собственной книжкой «О периодах». Вдобавок благодаря своим ученейшим занятиям не меньшую славу, чем как выдающийся ритор и критик, Дионисий снискал себе в качестве историка.

5. А в рассуждениях о риторике его превзошли двое представителей последующей эпохи — Гермоген, знаменитый во времена Марка Аврелия, и Лонгин, которого ценила Зенобия и убил Аврелиан. Оба они — великие имена среди раторов. Первый был более искусен в отрочестве и юности, нежели в зрелости и старости: на 15-м году жизни он учил с таким успехом, что даже император Марк Аврелий пришел послушать его и восхитился; и наоборот, в 24 года он в силу удивительной ошибки природы без какого-либо недуга совершенно растерял всю эту мощь преждевременного таланта и, совершенно не похожий сам на себя, в дальнейшем причислялся к простолюдинам, не без остроумной шутки соперников, которые поговаривали, что Гермоген «в мальчишках старик, в стариках мальчишка», как, следуя Филострату, сообщает Суда^б. А на восемнадцатом году жизни он написал книги,

---

^а В действительности речь идет о том же произведении, которое только что было упомянуто как «О сочетании слов». — *Прим. перев. (здесь и далее).*

^б Philostr. VS II.7.577–578; Suid. E 3046.

numerantur. Suntque illi; *liber de Statibus: de Inventione libri IV. et liber de Ideis*: quos primus Graece Aldus edidit Venet. An. 1508^a. tum Wechelus Paris. 1530. in 4to. Exin latine vertit, sed ineptissime et infelicissime (Conr. Gesnero in Bibliotheca annotante) Anton. Bonfinius, publicique juris fecit Lugduni in 8. An. 1538. apud Gryphium. Longe felicius vero, et vertit Hermogenem Latine, et Scholiis doctis illustravit Joh. Sturmius Argent. 1570. in 8. eo ipso anno, quo Franc. Portus Hermogenem^b Graece solum, cum scholiis Graecis, ediderat Genevae recensitum a se. Post hos tandem novis Hermogenem commentariis illustravit, emisitque Graeco-Latinum, Genevae 1614. in 8. Gasp. Laurentius. E vetustioribus supersunt quoque tres in Hermogenem Commentatores, Syrianus, Sopater et Marcellinus, quos, in Corpore Rhetorum veterum XII. Graecorum, Venetiis 1508. in fol. excudit Aldus. Hermogenis de Ideis libros tantopere laudat aestimatque Andr. Schottus; ut et methodum ejus Aristotelea ac Tulliana longe censeat subtiliorem, putetque, et olim fuisse paucos, et esse hodie, inter tot admiratores Hermogenis, ejusdem imitatores. *Praeter Dionysium enim Halicarnasaeum (ait) in Rhetoricis^c, et Ulpianum, Graecum Demosthenis explanatorem, quotus eam^d quisque hoc seculo tractat? Trapezuntii olim talem Rhetoricam^e cum stupore vidit Italia: duos fortasse Germania numerarit^f, Sturmium et Erythraeum: Gallia Iul. Scaligerum libris de Poëtica: Hispania unum literis cognitum laudare potest, Pet. Nunesium, Rhetorem ac Philosophum, editis Rhetoricorum^g libris IV. Hermogenis quidem praeceptionibus et Aphthonii et Theonis; sed Tullianis exemplis. Haec ille in Prolegom. ad Photium, quem, Hermogenis methodo, ubique Auctoribus suam κρῖσιν addidisse observat.*

---

^a 1608 *edd.* 1732, 1747.

^b Herennium *edd.*

^c Rhetoricas *edd.* 1714, 1732, 1747.

^d eum *ed.* 1747.

^e Rhetoricum *edd.* 1714, 1732, 1747.

^f numeravit *edd.* 1714, 1732, 1747.

^g Rhetoricum *ed.* 1747.

которые и тогда снискали всеобщее признание, и сегодня, сохранившись, входят в число основных сокровищниц риторического искусства. Это книга «О положениях», «Об отыскании доводов» в четырех книгах и книга «О видах слога». По-гречески их первым издал Альд (Венеция, 1508), а затем Вешель (Париж, 1530, ин-октаво). Затем их перевел на латынь Антонио Бонфини (Лион, Грайф, ин-октаво, 1538), но, как отмечает Конрад Геснер в «Библиотеке», крайне бес толково и неудачно. Намного удачнее перевел Гермогена на латынь, снабдив его учеными схолиями, Иоганн Штурм (Страсбург, 1570, ин-октаво) в том же самом году, когда Франческо Порто в Женеве издал Гермогена по-гречески с греческими схолиями, самостоятельно подготовив текст. После них Гермогена снабдил новыми комментариями и издал греко-латинскую версию (Женева, 1614, ин-октаво) Гаспар дю Лоран. Из старинных комментаторов Гермогена дошли трое — Сириан, Сопатр и Марцеллин, которых в «Корпусе двенадцати древних греческих раторов» издал Альд (Венеция, 1508, ин-фолио). Книги Гермогена «О видах слога» настолько хвалит и ценит Андре Схотт, что и подход его находит намного утонченнее, чем у Аристотеля и Туллия, и полагает, что и в древности, и ныне среди стольких почитателей Гермогена немного найдется его подражателей. «Много ли в наш век таких, — говорит он, — кто следует ему^а в большей мере, чем Дионисию Галикарнасскому в «Риторике» и Ульпиана, греческого толкователя Демосфена? Италия некогда с восторгом увидела такую «Риторику» Трапезундца^б; двоих, наверное, насчитает Германия — Штурма^в и Эритреуса; Франция — Юлия Скалигера благодаря книгам «О поэтике»; Испания может прославлять одного только знаменитого ученого, ратора и философа Педро Нуньеса^г, за издание «Риторики» в четырех книгах, с наставлениями из Гермогена, Афтония и Феона, но с примерами из Туллия». Так он пишет в предисловии к изданию Фотия, который, как он отмечает, по манере Гермогена всюду добавляет к характеристике авторов свое суждение.

---

^а То есть подходу Гермогена.

^б См. § 19.

^в См. § 13.

^г См. § 23.

6. Etsi vero ita celebre Hermogenis nomen sit, cedit illud tamen DIONYSIO LONGINO CASSIO, cujus plane aureolus περί ὕψους, *de Sublimitate*, Commentarius ingens doctis omnibus desiderium excitavit reliquarum Viri in eloquentia et Philosophia incomparabilis lucubrationum, quae perierunt. Erat ille Malchi Porphyrii praeceptor; et Zenobiae, Orientis Reginae a consiliis, et in studio Graecae linguae magister: quem, quod superbioris^a Epistolae, a Zenobia ad Aurelianum Imp. scriptae, Auctor praecipuus suo consilio extitisset, occidi imperavit Caesar gravi omnibus, ut Vopiscus refert, supplicio. Libellum, quem laudavimus, non minus accurata sublimitatis in oratione praecepta maximo lectorum bono suppeditantem, quam sublimi scriptione conditum ipsummet, primus e tenebris eruit, atque Graece evulgavit cum notulis, Basileae 1554. in 4. Franc. Robortellus, mox anno sequente Venetiis recusum. Inde An. 1569. recensuit librum, scholiisque Graecis illustravit Genevae in 8. Franc. Portus. Latinam ejus versionem suscepere quidem in se, promiseruntque, M. Ant. Muretus in Commentario ad Catullum, et Andr. Dudithius, cujus versionem Latinam Hermogenis Longini περί ἐρμηνείας (ita enim non satis accurate conjungit), inter impressa Dudithii opera, recenset Clar. Teissierius, Addit. ad Elogia Thuan. T. II. P. 133. sed rectius tamen puto Tanaq. Fabrum, tum Mureti, tum Dudithii, versiones sufflaminatas, vel fato, vel alia causa, credere. Fueritque adeo primus, qui Longinum in sermonem Latinum haud infeliciter convertit, Gabriel a Petra, atque sic Graeco-Latinum Genevae 1612. in 8. notis suis instructum, edidit. Fuere quidem, praeter illum, nescio quis Paganus, aliusque Pizimentius, Latini interpretes Longini: quorum versiones etiam Versioni Petrae, et Graeco textui, junxit, suisque simul Auctorem praelectionibus illustrare conatus est Carolus Manolesius^b, Bononiae 1644. in 4. Enimvero adeo infelices interpretes illos judicavit Gallus interpret Boileavius, ut ne nominare quidem sustineat, scilicet, ne plus gratiarum reddere videretur incolis, quam merebantur. Et Tanaquil. Faber itidem, in Latio atque Graecia plane

---

^a superioris *edd.*

^b Malonesius *edd.*

6. Хотя столь славно имя Гермогена, однако оно уступает Дионисию Лонгину Кассию, трактат коего περὶ ὕψους, «О возвышенном», вызвал у всех ученых глубокую скорбь по остальным, погибшим трудам сего мужа, в красноречии и в философии несравненного. Он был наставником Малха Порфирия, а также советником Зенобии, царицы Востока, и ее учителем греческого языка. Поскольку он якобы был основным вдохновителем и советчиком при написании Зенобией гордого письма к императору Аврелиану, кесарь приказал казнить его, что, как сообщает Вописк, стало для всех тяжелым ударом^a. Упомянутую книжку, которая и предоставляет читателям полезные и тщательные предписания о возвышенном в речи, и сама расцвечена возвышенным слогом, первым добыл из мрака и издал по-гречески с небольшими примечаниями Франческо Робортелло (Базель, 1554, ин-кварто; Венеция, 1555). Затем книгу переиздал и снабдил греческими схолиями Франческо Порто (Женева, 1569, ин-октаво). Перевод ее на латынь брали на себя и обещали Марк Антуан Мюре в комментариях к Катутлу и Андрия Дудич. Его латинский перевод περὶ ἐρμηνείας Гермогена Лонгина (как он их небрежно соединяет) среди напечатанных трудов Дудича упоминает славнейший Тейсье («Дополнения к “Похвалам героям Ту”», т. II, с. 133), но прав, я думаю, Таннеги Лефевр, полагающий, что и переводу Мюре, и переводу Дудича воспрепятствовала смерть или иная причина. Так что первым, кто перевел Лонгина на латынь, и вполне удачно, стал Габриэле далла Пьетра, издавший греко-латинскую версию со своими примечаниями (Женева, 1612, ин-октаво). Кроме него на латынь Лонгина переводили некто Пагани и еще Пиццименти. Их переводы присовокупил к переводу Пьетры и к греческому тексту Карло Манолези, попытавшийся также объяснить автора при помощи своих замечаний (Болонья, 1644, ин-кварто). Однако Буало, автор французского перевода, счел этих переводчиков настолько бездарными, что не пожелал их даже упомянуть, дабы не показалось, будто он воздает этим людям большую благодарность, чем они заслуживали. Таннеги Лефевр, считая

---

^a Hist. Aug. Aurelian. 30.

hospites illos atque peregrinos judicans, totam editionem Bononiensem temnit, dignitate, ut ait, omnium postremam. Ipseque adeo potius apparavit novam cum Versione Petrae, et castigationibus notisque suis, Salmurii in 12. 1663. Promisit etiam notas uberiores: sed quas fato praeventus non dedit. [Splendidissima vero est et emendatissima Longini Editio, quam Jac. Tollio debemus, post omnes Virorum doctorum, qui praecessere, curas, e quinque MSS. codicibus eximie emendata, et notis illustrata eruditissimis uberrimisque. Ac, ne quid elegantiae deesset, adjuncta quoque est nitidissima Gallica versio celeb. Boileavii, antea Parisiis duplici vice, cum ejusdem Andr. Dacerii notis evulgata, sed et ipsa nunc novis notis Gallicis aucta a Tollio. Prodiit liber Ultrajecti 1694. in 4. maj.] Ceterum, quantopere praeclarissima illa de sublimitate praecepta inserviant Oratori, dici vix potest: neque id profano solum, sed et sacro, si quis ea commode applicare queat: ut adeo libellus, ob eximium plane usum, omnibus commendandus, omniumque terendus manibus sit. Solet a nonnullis quaeri, cur de eodem argumento scribentes, Longinus atque Hermogenes, idem tamen tam diversa et a se dissentiente ratione tractaverint? cui quaestioni Faber ita commodissime responderi posse putat, si dicatur, μέγεθος Orationis, de quo Hermogenes, et ὕψος, de quo Longinus, omnino a se invicem differre. Vid. ejus praefatio lectu dignissima, quam Longino praemisit.

7. Praeter hos vero, quos diximus, Graecos Rhetores, sunt et alii adhuc, quorum labores ad nostram usque aetatem pervenerunt, et quos, prioribus (si Longinum excipias) junctos, uno corpore e^a typographia sua ALDUS An. 1508. in fol. 2. voluminibus, Venetiis editis, complexus est. Videlicet Aristides de Civili Oratione, περὶ λόγου πολιτικοῦ, qui μελέταις Sophistarum, i. e. Scholasticis declamationibus opponebatur, et cujus ingens Lexicon ἀωνύμου Photius recenset Biblioth. cod. 148. Apsini de Arte Rhetorica praecepta. Sopatri Quaestiones de componendis declamationibus. Alexandri Sophistae de figuris sensus et dictionis liber. Menandri divisio causarum in genere demonstrativo: atque Cyrus sophista de

---

^a et *edd.* 1714, 1732, 1747.

их чужеземцами в Лации и Греции, тоже презирует всё Болонское издание, которое, как он говорит, достоинством уступает всем другим. Сам он даже подготовил новое издание — с переводом Пьетры и своими поправками и примечаниями (Сомюр, 1663, ин-дуодецимо), а также обещал издать более подробные примечания, но был настигнут смертью. [Самое блистательное и выверенное — издание Лонгина, которым мы обязаны Якобу Толлю, превосходно выверенное по пяти рукописям вдобавок к стараниям всех предшествующих просвещенных мужей и снабженное весьма учеными и подробными примечаниями. Для полной изысканности к ней также добавлен блестящий французский перевод достославного Буало, прежде дважды опубликованный в Париже с примечаниями Андре Дасье и теперь обогащенный также новыми французскими примечаниями Толля. Вышла эта книга в Утрехте в 1694 г. ин-кварто.]^a Едва ли можно описать, сколь полезны оратору эти замечательные наставления о возвышенном, и не только светскому, но и церковному, если надлежащим образом их применять. Так что эту книжку из-за ее выдающейся пригодности можно посоветовать всем, и всем следует ею пользоваться. Некоторые спрашивают: почему Лонгин и Гермоген, пишущие об одном и том же предмете, разбирают его столь различными и не согласующимися друг с другом способами? Лефевр полагает, что на этот вопрос правильнее всего можно ответить так: величественность речи, о которой говорит Гермоген, и возвышенное, о котором говорит Лонгин, совершенно несходны друг с другом. См. предисловие, предпосланное им Лонгину, — оно весьма достойно прочтения.

7. Помимо уже упомянутых греческих риториков есть и другие, труды коих дошли до нашего времени и коих вместе с другими (за исключением Лонгина) объял Альд в одном корпусе, выпущенном в его типографии в двух томах (Венеция, 1508, ин-фолио). Это: книга Аристиды «О гражданской речи» (περὶ λόγου πολιτικοῦ) — этот вид речи противопоставлялся упражнениям софистов, т. е. учебным декламациям, и огромный анонимный словарь к нему упоминает Фотий («Библиотека», кодекс 148); «Наставления

---

^a Добавление издателей Морхофа.

statuum differentiis. Aliam collectionem, seu, ut ipse vocat, *Excerpta varia Sophistarum et Rhetorum*, Graece et Latine LEO ALLATIUS Romae 1641. in 8. publicavit. Verum hi omnes, quanquam sua laude privandi non sint, ad priorum tamen illorum gloriam haudquaquam ascendunt. Erat quidem laudabile Sophistarum, i. e. Rhetorum aevi recentioris, studium in colenda et perpolienda, cui inprimis studebant, orationis suavitate et concinnitate periodorum ac veluti quadam modulatione. Sed id ipsum, dum in eo nimii essent, κακοζήλους effecit, et nimia figurarum affectataque frequentia ridiculos et elumbes: quod vitium cum jam olim multos tenuerit, haud injuria etiam a Longino et Quintiliano notatum est. E recentioribus vero nemo melius id explicuit Ludovico Cresollio, qui, in *Theatro Rhetorum* A. 1620. in 8vo. Parisiis edito, et progressus in illo cultu orationis, et vitiorum historiam, habet.

8. Inserta quoque conspiciuntur Corpori Rhetorum Aldino, quod diximus, APHTHONII Sophistae *progymnasmata*, seu Exercitamenta quaedam orationis, quibus tirones solent exerceri. Liber utilis, sed cujus non omnia eloquentiae studioso sunt necessaria: cum multa habeat ad sophisticas tantum declamationes excogitata: quibus repudiatis ea tantum servari ad imitationem par est, quae justae orationi inservire possunt. Vid. de iisdem Schefferus in Gymnasio Styli, qui de his progymnasmatum speciebus utilia multa annotavit. *Commentati* vero in Aphthonium sunt varii: quos recenset Spachius in Nomenclatore. *Editus* est cum notis a Joh. Maria Cataneo, Basil. apud Frobenium in 4. An. 1521. a Joach. Camerario Lipsiae 1570. in 8. et ab aliis, quos hic commemorare non vacat. Additur iis aliquando THEON Sophista, ipse etiam Progymnasmatum Auctor, a Joh. Scheffero etiam, una cum Aphthonio, Upsaliae A. 1670. in 8vo. Graeco-Latine editus, et Notis illustratus brevioribus. Addi tandem et Rhetoribus Graecis meret ULPIANUS, Graecus Demosthenis explanator, cum quo et in Aldina et Basileensibus Editionibus Graecis, aut Graeco-Latinis, edi consuevit.

о риторическом искусстве» Апсина; «Вопросы составления декламаций» Сопатра; книга софиста Александра «О фигурах смысла и речи»; «Разделение причин в показательном роде красноречия» Менандра; «О различиях положений» софиста Кира. Другое собрание или, как называет его сам издатель, «Разные выдержки из софистов и риториков», опубликовал по-гречески и по-латыни Лев Аллаций (Рим, 1641, ин-октаво). Но хотя всех их не следует лишать заслуженной похвалы, они всё же не возвышаются до славы вышеупомянутых. Усердие софистов, т. е. риториков поздней эпохи, в обработке и оттачивании речи, к которому они стремились в первую очередь, в упорядочивании периодов и в некоей ритмизации, конечно, заслуживало похвалы, но оно же в силу неумеренности лишило их естественности, сделало смешными и беззубыми с их чрезмерной и манерной частотой употребления фигур. Этот порок уже давно охватил многих и потому небезосновательно клеймится Лонгином и Квинтилианом. А из новых авторов никто не рассказал о нем лучше Луи Крезоля^а, который в «Театре риториков» (Париж, 1620, ин-октаво) пишет и об успехах в этой заботе о красноречии, и об истории ее недостатков.

8. В Альдов «Корпус риториков» включены также «Прогимназмы» софиста Афтония, т. е. упражнения в красноречии, которые обычно выполняют учащиеся. Эта книга полезна, но не всё в ней обязательно для того, кто занимается красноречием, ибо многое там придумано только для софистических декламаций — это следует отбросить и сохранять для подражания только то, что может послужить настоящей речи. См. о них же «Гимнасий стиля» Шеффера, который сделал много полезных замечаний о таких разновидностях прогимнасм. Комментарии к Афтонию писали разные люди; их перечисляет Шпах в «Номенклаторе». Издавали Афтония с примечаниями Джованни Мария Каттанео (Базель, Фробен, 1521, ин-кварто), Иоахим Камерарий (Лейпциг, 1570, ин-октаво) и другие, на перечисление коих здесь не будем тратить время. К ним порой добавляют софиста Феона — также автора «Прогимнасм», который был издан Иоганном Шеффером вместе с Афтонием по-гречески с латинским переводом и краткими

---

^а См. § 17.

9. Inter Latinos Rhetores summus eloquentiae Magister, CICERO, principatum tenet. Noti sunt ejus *libri Rhetorici*, in quos multi multorum Commentarii sunt, ut jam supra dictum, et e Spachio luculentius liquet: Sebast. Corradus, Claud. Minos, Joh. Sturmius, Melch. Junius, praeferri ceteris debent. E Ciceronis praeceptis fusioribus Compendium elegans extruxit Guilh. Mechovius, cui titulum dedit *Tulliologiae*, Cellis 1678. in 8. Post Ciceronem Quintilianus est, cujus *Institutiones Oratoriae* uberiores^a sunt, quam ipsiusmet Ciceronis scripta. Sane, non potest quis solidum de oratione ferre judicium, nisi etiam Quintilianum perlegerit, cujus sunt de quacunque dictione et caractere, et omni orationis parte, praecepta utilissima. Sed de illo aequae ac de Cicerone supra diximus: Succedunt Quintiliano *Rhetores illi antiqui*, quos uno Volumine collegit Pet. Pithoeus, editos in 4. Paris. 1599. Illa enim Editio auctior multo est pleniorque, quam quae prodiiit Basileae An. 1521. in 4. Sed sunt tamen alii adhuc plures Veterum Rhetorum, qui vel seorsim prodierunt, vel MSti adhuc in bibliothecis delitescent. Edidit bis Leo Allatius Collectiones duas Rhetorum et Sophistarum antiquorum, quorum fragmenta servavit, et Latine vertit. Nos vero, missis nunc veteribus, ad recentiores sparsim enumerandos progredimur.

10. Occurrit inter hos primus ANTONIUS LULLIUS, Balearis: a Raymundo Lullio, extemporaneae istius loquacitatis intempestivo doctore, ut nemo non videt, plane alius. Scripsit *de oratione libros VII.* quibus non solum Hermogenes ipse totus, verum etiam quicquid fere a reliquis Graecis et Latinis de arte dicendi traditum est, explicatur. Magna cura scriptus liber est, quem adhibuit saepe Vossius in concinnandis suis institutionibus Oratoriis, saepe etiam refutavit. Editus est Basileae in fol. A. 1558. Extant alias ejusdem *de Exercitatione Grammatica* liber, aliusque *Progymnasmata Rhetorica* tradens.

---

^a Liberiores *edd.*

примечаниями (Упсала, 1670, ин-октаво). Наконец, к греческим риторам заслуживает быть добавлен Ульпиан, греческий толкователь Демосфена, вместе с коим его обычно печатают и в альдовом, и в базельских греческих и греко-латинских изданиях.

9. Среди латинских риториков первенство принадлежит превосходному учителю красноречия Цицерону. Известны его риторические произведения, к которым существует великое множество комментариев, как уже было сказано выше и еще более очевидно из книги Шпаха: прочим следует предпочесть Себастьяно Коррадо, Клода Миньо, Иоганна Штурма, Мельхиора Юнга. Из слишком пространных наставлений Цицерона Вильгельм Мехов составил изящный компендий, которому дал название «Туллиолы» (Целле, 1678, ин-октаво). За Цицероном следует Квинтилиан, «Наставления оратору» которого подробнее, чем труды самого Цицерона. Конечно, нельзя иметь целостное суждение о красноречии, если не прочесть также Квинтилиана; его предписания о любом слоге и стиле и о всяком разделе речи чрезвычайно полезны. Но о нем, равно как и о Цицероне, мы сказали выше^а. Наследники Квинтилиана — те «древние риторы», которых в одном томе собрал Пьер^б Питу (Париж, 1599, ин-кварто). Это издание гораздо богаче и полнее, нежели вышедшее в Базеле (1521, ин-кварто). Однако есть и другие древние риторы, которые или были опубликованы отдельно, или доселе сокрыты в библиотеках в виде рукописей. Лев Аллаций дважды издавал два собрания древних риториков и софистов, фрагменты коих он сохранил и перевел на латынь. А теперь, оставив древних, перейдем к беспорядочному перечислению новых.

10. Среди них первым приходит в голову балеарец Антоний Луллий, не имеющий, как для всех очевидно, никакого отношения к Раймунду Луллию, злосчастному зачинателю пресловутого умения молоть языком без подготовки. Антоний написал «О речи» в семи книгах, в которых толкуется не только весь Гермоген, но и почти всё, что дошло от прочих греков и римлян об искусстве говорить. Книга написана очень добросовестно, и Фосс часто

---

^а Vol. I, lib. IV, cap. 11, § 7 (о Цицероне); cap. 13, § 3 (о Квинтилиане).

^б В действительности это сделал его брат-близнец Франсуа.

11. Eodem tempore clarus erat Rhetor Patavii FRANC. ROBORTELLUS, cujus beneficio extractum primo e tenebris Longinum nos debere supra indicabamus, Vir doctissimus, et eloquentia inprimis insignis. Scripsit varia ad Rhetorice spectantia *de Rhetorica facultate* librum, Florentiae editum A. 1548. ut et alium *de artificio orationis*; in quo praecipue figurarum doctrina ad fontes et capita sua revocatur, et differentia oratoriae et Poëticae dictionis ostenditur. Instituit et Catalogum Figurarum omnium, ex omnibus Auctoribus Graecis et Latinis, et ad generales quasdam divisiones reduxit, secundum animi vel conceptus, vel motus. Memorabile est, quod de hoc Viro Joh. Imperialis refert in Museo Historico: eum, quum facundia longe plurimum valeret, ac saepissime publicis in solennibus perorasset, infelici tamen conatu Carolum V. Imperatorem defunctum oratione panegyrica laudare conatum vix Exordium absolvisse, cum memoria ipsum destituerit, ut recitandae Orationi par amplius plane non esset. Accusant in illo aliqui superbiam, nimiumque in exercendis adversus pares aut superiores inimicitias fastum, quo Sigonium, Egnatium, Muretum, Manutium, H. Stephanum, aliosque contemptim habere, et ludibrio aliorum pro viribus exponere, veritus non sit. Verum haec non obstant, quo minus Rhetor ingeniosissimus dici haberique jure potuerit.

12. Quemadmodum vero Robortellus Veterum, quos magno studio sectabatur, placitis, et in arte Rhetorica praeceptis, ubivis insistere solebat: ita alia plane via incessit eruditissimus Italorum, FRANC. PATRITIUS, cujus Viri multa fuere circa singulas fere disciplinas nova. Neque vero contentus in Philosophia innovasse omni, in Rhetorice insuper et Poësi nova multa dedit. Prodierunt Italica lingua ejus *decem Dialogi della Rhetorica*, Venet. 1560. in 4. Sed quaenam praecipue illa sua scriptione intenderit, dicere nequeo, cum librum ipsum nunquam viderim. Addi vero meret Patritio THOM. CAMPANELLA, qui aequè ut in aliis rebus omnibus, ita et in Rhetorica, mirus novator est; prout e *Rhetoricis* ejus liquet, quae una cum *Dialecticis* et *Poëticis* suis edidit Paris. 1638. in 8. Neque tamen est hujus loci, recensere omnes Viri Paradoxologias. Ceterum eadem in Patavina Academia, in qua Patritius per annos

использовал ее при составлении своих «Наставлений оратору»^a, но часто и полемизировал с ней. Луллий был издан в Базеле в 1558 году ин-фолио. Кроме того, есть его же книга «Об упражнении в грамматике» и еще «Риторические прогимнасы».

11. В Падуге в это время жил знаменитый ритор Франческо Робортелло — муж ученейший и в красноречии совершенно исключительный, которому, как указано выше, мы обязаны спасением из мрака Лонгина. Он написал различные труды, относящиеся к риторике: книгу «О способности к риторике» (Флоренция, 1548), а еще «Об искусстве речи», где в первую очередь возвращается к своим истокам и основам учение о фигурах и показывается различие ораторского и поэтического слога. Он также составил каталог всех фигур у всех греческих и латинских авторов и возвел их к неким более общим подразделениям в соответствии то ли с замыслами, то ли с прихотями своего разума. Достопамятно то, что сообщает о сем муже Джованни Имперали в «Историческом музее»: будучи весьма силен в красноречии и часто произнося заключительные речи на торжественных собраниях, он, тем не менее, не преуспел в попытке почтить панегириком скончавшегося императора Карла V — едва он закончил вступление, как его подвела память и он оказался совершенно не способен продолжать речь. Некоторые обвиняют его в гордыне и чрезмерной надменности в распрях с равными или превосходнейшими, благодаря которой он не побоялся презирать и высмеивать Сигонио, Эньяцио, Мюре, Мануция, Анри Эстьена и других. Но это не мешает называть и считать его весьма талантливым ритором.

12. Насколько Робортелло повсюду отстаивал мнения и риторические предписания древних, коим усердно следовал, настолько иной оказалась дорога, по которой пошел образованнейший из итальянцев, Франческо Патрици: ему принадлежит много нового почти во всех предметах изучения. Не удовлетвовавшись новинками во всей философии, он вдобавок привнес много нового в риторику и в поэтику. На итальянском языке вышли его «Десять диалогов о риторике» (Венеция, 1560, ин-кварто). Но что явилось основным объектом сего

---

^a См. § 22.

aliquot publicum Philosophiae doctorem egit, Eloquentiam e prima sede, per annos 24. professus est PAULUS BENIUS, Eugubinus: cujus extant *Oratoriae Disputationes* seu Rhetoricae controversiae, in quibus cum Veterum multorum, tum imprimis etiam Aristotelis, praecepta explanantur, et cum Platone Ciceroneque conferuntur. Prodiierunt Venet. 1624. in fol.

13. E Germanis de Rhetorice nemo melius meruit JOHANNE STURMIO, quem Virum quanti in eloquentia aestimarit, et quantopere aliis antetulerit, Andr. Schottus, paulo ante monitum. Et fuit sane in oratoria facultate summus, suoque tempore communis fere scholarum per Germaniam moderator: cujus proinde longe plurimi sunt ad id studium libelli: de informanda juventute, de informatione Principum et nobilium: Epistolae classicae: liber de resolvendae linguae Latinae ratione (Argent. 1581. in 8.) In partitiones oratorias Ciceronis Dialogos duos composuit Argentorati, 1539. in 8. editas, una cum libro de amissa dicendi ratione, et quomodo ea recuperari possit. Liber ejus de Periodis, cum scholiis Valentini Erythraei, editus est ibid. 1567. in 8. Liber de imitatione prodiit A. 1576. Hi omnes in pretio habendi, iisque jungendi plures alii, quos qui nancisci omnes poterit, non parum Eloquentiae studium augebit.

14. E Sturmii schola prodiit MELCHIOR JUNIUS, orationis quidem facultate Sturmio inferior, sed praeceptis, ac artificio dicendi, non postponendus. Diligentia enim sua superavit magistri industriam; et tironibus eam ob causam aptior est, quod ad minutias se demittat, ad quas se Sturmius non demittit. Exstat ejus *Eloquentiae comparandae methodus*, Argentorati 1591. in 8. excusus liber, quo multa tradidit utilissima ad facultatem oratoriam sibi parandam, quae subsidio esse possunt, si quis exercere vires suas velit. Exstant *Scholae* ejus *Rhetoricae* de contexendarum Epistolarum ratione: utilissimus profecto liber, qui Ciceronis Epistolas, secundum omnia genera epistolarum, et singulorum generum argumenta, disposuit, adjecta semper imitatione. Recusus est ille liber, cum Commentario Phil. Horstii, Jenae in 8. et sub *Epistolographiae* titulo editus. Scripta insuper est a Junio Resolutio Orationum Ciceronis, secundum causarum genera, orationum partes et materias; unde praeclara pos-

труда, я сказать не могу, поскольку никогда не видел эту книгу. К Патрици заслуживает быть добавлен Томмазо Кампанелла, который в риторике, как и во всех других предметах, явился удивительным новатором. Это видно из его «Риторики», которую он издал вместе с «Диалектикой» и «Поэтикой» (Париж, 1638, ин-октаво). Однако здесь неуместно будет перечислять все странности сего мужа. А в Падуанской Академии, в которой Патрици несколько лет публично преподавал философию, учителем красноречия на протяжении 24 лет был Паоло Бени из Губбьо. Существуют его «Ораторские рассуждения, или Риторические прения» (Венеция, 1624, ин-фолио), в которых среди прочих древних разъясняется в особенности учение Аристотеля, сравниваемое с Платоном и Цицероном.

13. Из немцев никто не имеет бóльших заслуг перед риторикой, чем Иоганн Штурм. Насколько сего мужа ценил и превозносил над другими в красноречии Андре Схотт, показано чуть выше. Конечно, он был превосходнейшим в способности к ораторской деятельности и в свое время являлся руководителем почти всех школ в Германии. Потому есть очень много его книг, относящихся к этим занятиям: «О воспитании юношества», «О воспитании принцев» и «О воспитании знатных людей», «Классические письма», книга «О способе разъяснять латинский язык» (Страсбург, 1581, ин-октаво). Он составил два диалога об ораторских делениях Цицерона, изданные вместе с книгой «Об утрате принципов речи и способах их восстановить» (Страсбург, 1539, ин-октаво). Его книга «О периодах» со схолиями Валентина Эритреуса издана там же (1567, ин-октаво). Книга «О подражании» вышла в 1576 году. Все они заслуживают высокой оценки, и к ним следует добавить еще другие; кому удастся раздобыть их все, тот весьма преуспеет в изучении красноречия.

14. Из школы Штурма вышел Мельхиор Юнг, в способности к ораторской деятельности стоящий ниже Штурма, но не уступающий ему в наставлениях и искусстве речи. Ведь своей основательностью он превзошел усердие учителя и потому больше годится для учащихся, что снисходит до тех мелочей, до коих Штурм не снисходит. Существует его «Метод сравнения красноречия» (Страсбург, 1591, ин-октаво), в котором он изложил

sunt haberi orationis amplificandae subsidia, quacunque in parte Orationis aut cujuscunque generis versemur: nam Enthymemata, in singulis a Cicerone adhibita, diligenter notavit, quorum usus insignis esse potest, si quis in simili argumento occupetur. Adjectus est index utilissimus, ubi ὡς ἐν τύπῳ proponitur omnium Orationum atque argumentorum summa et idea; Argentorat. 1594. in 8. Nec praetereundus hic ille Junii liber utilissimus, quem pro inveniendis argumentis Ethicis et Patheticis scripsit, et sub titulo: *Animorum conciliandorum ac movendorum rationis* in lucem emisit Montisbelgardi 1596. in 8. ubi singula illa capita tam morum, quam affectuum, ab Aristotele proposita, exemplis, non tantum e Cicerone, sed et e Graecis Auctoribus, illustrat: atque adeo egregie inservit eloquentiae, sive sacrae, sive humanae, studiosis: quibus et aliis rebus multis esse commodum quaesivit: Collectione brevium orationum Politicarum, quas ex historicis, tam Graecis, quam Latinis, collegit, praefixa semper dispositione Rhetorica: congestionem Epistolarum: editione Orationum, sub ejus directione Argentorati habitarum, quarum integri aliquot tomi prostant, et in quibus occurrunt pene omnia, quae sub argumentum orationis venire possunt. Tam diligens erat ille Vir, et in professione sua ornanda profecto, si quis alius, sollicitus.

много того, что весьма полезно для развития способностей к ораторской деятельности и может послужить опорой тому, кто хочет упражнять свои силы. Есть его «Риторические уроки» о способе составления писем; это, безусловно, весьма полезная книга, в которой распределены по всем родам писем и по темам в отдельных родах письма Цицерона, причем всюду добавлены примеры подражания. Эта книга была переиздана с комментарием Филиппа Хорста под названием «Эпистолография» (Йена, ин-октаво). Вдобавок Юнгом написан «Разбор речей Цицерона» по родам судебных дел, разделам и предметам речей — из него можно получить замечательную опору для усиления речи, с каким бы разделом и родом речи мы ни имели дело: Юнг тщательно отмечал энтимемы, применяемые Цицероном в каждой речи, и их польза может быть выдающейся для того, кто занят похожей темой. Вдобавок имеется весьма полезный указатель, в котором в общих чертах представлены содержания и планы построения всех речей и тем (Страсбург, 1594, ин-октаво). Здесь нельзя обойти и весьма полезную книгу Юнга, которую он написал по поводу отыскания этических и патетических тем и издал под названием «Способ привлекать умы слушателей на свою сторону и воздействовать на них» (Монбельяр, 1596, ин-октаво). В ней он снабжает все главы, в которых по Аристотелю представлены нравы и чувства, примерами не только из Цицерона, но и из греческих авторов и оказывает замечательную услугу занимающимся как церковным, так и светским красноречием. Он старался помочь им и в других своих трудах: в «Собрании кратких политических речей», которые он собрал из греческих и латинских историков, постоянно предваряя их описанием риторического порядка; в собрании писем; в издании речей, произнесенных в Страсбурге под его руководством — оно состоит из нескольких томов, и там встречается почти всё, что может войти в тему речи. Столь основательным был сей муж, заботившийся об украшении своего предмета более, чем кто-либо другой.

15. Non minor illo, nisi aetate, sed eruditione etiam multo major Wittebergensis Eloquentiae Professor, AUGUSTUS BUCHNERUS, Orator atque Philologus celeberrimus, librum *de commutata ratione dicendi* scripsit Rhetoricum: in quo multa habentur egregia de figuris orationis: plerisque tamen Grammaticis, cum Rhetoricis nonnisi parcius attingat. Prodiit ille libellus Witteb. 1665. in 12. Et post mortem Buchneri editae quoque sunt Epistolae ejus et Orationes, quae non solum styli Ciceroniani flumen, sed et artis sublimitatem, abunde docent.

16. Non idem judicium de VALENT. THILONE ferri potest, Rhetore potius, quam Oratore laudabili: cujus libri in argumento Rhetorico scripti non tamen usque adeo sperni merent. Extant ejus *Exercitia Oratoria*, per omnia causarum genera: in 8. Regiomonti 1645. excusa. *Curtius Orator*; quo tum resolvit Orationes Curtianas, tum, quomodo amplificari possint, ostendit: *Pathologia*, affectuum movendorum rationem exponens, una cum exemplis, eorumque ideis: *Topologia Oratoria*, seu praxis locorum Dialecticorum in Oratoriis, praeceptis, exemplis atque ideis illustrata: *Rudimenta Rhetorica* de periodis, amplificatione et connexione: Quae omnia partim Regiomonti, partim Amstelodami, prodierunt, et e mediocrium classe sunt.

17. Ceterum, ut in omni scientiarum genere, ita et in Rhetoricis, gnavos se Jesuitarum aliqui praestiterunt, et eximie profuerunt publico. De LUDOV. CRESOLLIO dictum jam est, cum Theatrum ejus Rhetorum allegaremus, atque, ut non satis laudari possit iste labor, narratum. Scripsit ille praeterea *Vacationes Autumnales de perfecta Oratoris actione et pronuntiatione*, libris III. Paris. 1620. in 4. editas, in quibus, e Scriptorum elegantium monumentis, gestuum et vocum rationes pulcherrima copia et varietate explicantur, et vitia in agendo notantur. Opus plenum varia doctrina, quodque artem illam, quam Veteres *Histrionicam* vocabant (ad hanc enim pertinebat formare vocem et gestum Oratoris, teste Aristotele,) luculente atque copiosissime exponit. Alius ex eodem Ordine, NICOLAUS CAUSINUS, *de Eloquentia sacra et humana libros XVI.* composuit, Paris. 1643. in 4. editos, in quibus prae ceteris magna cura diversitas Characterum ex-

15. Не ниже его — разве что по возрасту, а по образованности даже намного выше — виттенбергский преподаватель красноречия Август Бухнер, славнейший оратор и филолог, по риторике написавший книгу «Об изменившейся манере речи», в коей много превосходных сведений о фигурах речи, преимущественно, впрочем, грамматических, в то время как риторических он если касается, то довольно кратко (Виттенберг, 1665, ин-дуодецимо). После смерти Бухнера были также изданы его письма и речи, которые изобильно учат не только плавному течению цicerоновского слога, но и возвышенности искусства.

16. О Валентине Тилоне нельзя вынести то же суждение: он заслуживает похвалы скорее как ритор, чем как оратор. Однако его книги, написанные на риторическую тему, не заслуживают презрения. Существуют его: «Ораторские упражнения» по всем родам судебных дел (Кёнигсберг, 1645, ин-октаво); «Курций как оратор», где он разбирает речи у Курция и показывает, как их можно усилить; «Патология», где он объясняет способ воздействовать на чувства, приводя примеры и планы их построения; «Ораторская топология, или применение диалектических общих мест к ораторским», снабженная предписаниями, примерами и планами построения; «Основы риторики» о периодах, усилении и связи. Все эти книги вышли частью в Кёнигсберге, а частью в Амстердаме и относятся к разряду посредственных.

17. Кроме того, как во всяком роде наук, так и в риторике показали себя старательными и принесли обществу исключительную пользу некоторые из иезуитов. О Луи Крезоле и о том, что его книгу невозможно перехвалить, уже было сказано в связи с «Театром раторов». Кроме того, он написал «Осенние досуги, или О совершенной манере и произношении оратора» в трех книгах (Париж, 1620, ин-кварто), в которых на основании произведений изящных писателей весьма богато и пестро объясняются принципы телодвижений и произношения и отмечаются недостатки в манере выступления. Этот труд полон всяческой учености, и в нем искусно и пространно разъясняется то искусство, которое древние называли актерским (ибо к нему же, по свидетельству Аристотеля, относилось оттачивание произношения и движений оратора). Другой представитель того же ордена, Николя Коссен, составил

plicatur: allatis uberrime exemplis, tum ipsorummet Characterum, tum vitii in quovis stylo. Est tamen ad usum accomodatior JACOBI MASENII, Jesuitae, *Palaestra Oratoria*, Coloniae primo 1659. evulgata: in qua primum progymnasmata Eloquentiae, hinc Exercitationes Rhetorum propriae, ad lectionem simul et imitationem distribuuntur: adjicitur Resolutio et artificium Tullianarum Orationum. Scripsit et idem *Palaestram styli Romani*, Coloniae eod. A. 1659. editam, in qua et genera styli persequitur et Characteres, omniaque diligentissime, propositis semper exemplis, illustrat: addito in fine antiquitatum Romanarum Compendio. Masenio ordinatius distinctiusque procedit, adeoque illi^a me iudice praeferendus est, MARTINUS du CYGNE, in cujus *Explanatione Rhetorica* omnium Ciceronis Orationum habetur Analysis secundum partes, Enthymemata, Periodos, et figuras, cum notis ad singulas Orationes, earumque Characteres. Excusus est Coloniae An. 1670. in 8. liber ille, omnium in hoc genere optimus. Huic subjungimus ALBERTUM de ALBERTIS, Jesuitam alium, cui debemus *Thesaurum Eloquentiae sacrae et Profanae*, per actionem contra ejusdem corruptores, olim Mediolani 1639. postmodum Coloniae 1669. in 12. typis publicis exscriptum. Auctor praecipue invehitur in argutulos illos frigidisque affectatores, qui specie acuminum et sententiarum praepostere phaleratam orationem faciunt. Proponitur autem res omnis non methodo quadam didactica, sed singulari quadam atque insolita: ut mihi quidem videatur ipse Auctor Eloquentia ad notanda ejusdem vitia abuti. Occasione vero hujus incidit nomen FRANC. VAVASSORIS, qui, ut erat ipse etiam ex Ordine Jesuitarum, bonisque literis apprime tinctus, ita insolitum tale, et nudius tertius introductum, dicendi genus ferre non potuit. Scripsit ille inter alia de *Ludicra Dictione* elegantissimum librum, ad Balzadium, Paris. 1658. in 4. Totoque eo impugnat plebejum istum jocandi in scribendo suorum popularium morem, quem communi nomine *burlesque* vocant. Demonstrat vero Vavassor, nulli vel Veterum, vel Recentiorum, tale dicendi genus in mentem unquam venisse: simulque utilissima longe plurima, quae ad Rhetoricen faciunt, inspergit.

---

^a ille ed. 1747.

«О церковном и светском красноречии» в 16 книгах (Париж, 1643, ин-кварти), где сверх прочего с большой заботой объясняется различие стилей и в изобилии приводятся примеры — как самих стилей, так и недостатков, присущих каждому виду слога. Однако для практического использования больше годится «Ораторская палестра» иезуита Якоба Мазена (Кёльн, 1659), в которой сперва представлены «Прогимназмы в красноречии», а затем собственно «Упражнения риториков», одновременно для чтения и подражания; затем следует «Разбор Туллиевых речей и их техника». Он же написал «Палестру римского стиля» (Кёльн, 1659), в коей перечисляет и роды слога, и стили и объясняет всё тщательнейшим образом, всюду приводя примеры. В конце добавлены «Краткие сведения о римских древностях». Стройнее и яснее Мазена ведет повествование и потому, на мой взгляд, заслуживает предпочтения по сравнению с ним Мартен дю Синь, в «Разъяснении риторики» которого имеется разбор всех речей Цицерона по разделам, энтимемам, периодам и фигурам с примечаниями ко всем речам и стилям в них. Эта книга, лучшая в своем роде, была издана в Кёльне (1670, ин-октаво). К дю Синю добавим Альберто Альберти, еще одного иезуита, коему мы обязаны «Сокровищницей церковного и светского красноречия», изданной для борьбы с искажителями оного (Милан, 1639; Кёльн, 1669, ин-дуодецимо). Автор в первую очередь нападает на многословных и бездарных ревнителей, которые в виде острот и громких фраз придают речи неуместные прикрасы. Однако весь предмет излагается не как в учебнике, а неким особенным, необычным образом, так что автор, как мне кажется, клеймя пороки в красноречии, сам им злоупотребляет. По этому случаю вспоминается имя Франсуа Вавассёра, который, сам будучи из ордена иезуитов и набравшись опыта в изящной словесности, не смог терпеть этот неслыханный, третьего дня появившийся род речи и среди прочего написал изящнейшую книгу «О забавном слоге» (Париж, 1658, ин-кварти), обращенную к Луи де Бальзаку. На протяжении всей этой книги Вавассёр воюет с тем плебейским обычаем своих соотечественников шутить в письменных сочинениях, который принято называть «бурлеск». Вавассёр показывает, что такой род речи никогда не приходил в голову никому из древних и новых авторов, приправляя всё это множеством полезнейших указаний по риторике.

18. Neque tamen haec ingenui Veterum aestimatoris, doctissimi Vavassoris, auctoritas socios ejus movit, ut, misso novandi studio, vetera et ipsi sectarentur. Quin potius, quoties novus talis Orator in scenam prodit, toties novo ille, et a reliquis diverso habitu, incedit. Referendus est ad hanc novatorum classem FRANCISCUS POMEY, Jesuita, cujus prostat liber hoc titulo: *Novus Rhetoricae candidatus, altero se candidior*: editus Monachii, 1672. in 12. Instituit hic Rhetorices praecepta suo quodam ductu et genio: quanquam ut plurimum novi nihil afferat, sed plus interdum turbet, quam juvet. Diligens tamen est in figuris et amplificationis praeceptis; quae vero ipsa tradit, singularia plane et peregrina: quale est illud subsidium inveniendi argumenta amplificantia, quae progymnasmate VI. proponuntur: nam nullo artificio opus est, sed velut sorte quaedam capiuntur. Quam enim inane hoc est, ex iis, quae cadunt sub oculos, statim invenire argumenta: deinde e quibusvis substantivis et adjectivis, primo occurrentibus in Lexico; hos vero modos Autor ille commendat. Non reddit, nisi inanes locutores, ista inartificialis methodus; cui similis est illa Lulliana loquacitas, quae etiam tamen aliquibus mirifice placet. Est certe quidem rerum omnium inter se analogismus, unde et deprehendere sagaci quadam connexione praedicata nonnulla, qualicunque ratione subjecto suo convenientia, licet: sed tamen hic modus artem jam praesupponit. Ac viderem ego sane, quam bellam mihi orationem concinnaret, qui solis hisce praesidiis munitus, nec multa arte Rhetorica imbutus, prodiret Orator in publicum. Non nego tamen, exercitatis in dicendi arte Viris aliquando necessitatis tempore, cum deficit memoria, talia in subsidium vocari posse. Qualia sunt illa, quae commendat JANUS CAECIL. FREY Part. II. c. 1. Viae suae *ad scientias, linguas, sermones extemporaneos novae et expeditissimae*, Parisiis olim editae, postea recusae Jenae 1674. in 12. Tale est et illud subsidium, quo uti Concionatores alioquin solent, cum ultima vox periodi, substantiva inprimis, reflectitur ad novam periodum, ut connexione sensuum in voce ultima quaesita tandem exsurgat aliqua oratio. Extemporaneam elocutionem pro viribus etiam promotum ivit MICH. RADAU, in *Oratore Extemporaneo*, qui liber sub personati primum Auctoris, Georg. Beckeri, mox, sub

18. Однако влияние благородного и ученийшего почитателя древних Вавассёра не заставило его товарищей по ордену бросить стремление к новизне и самим также следовать за древними. Более того: каждый новый оратор, выходящий на сцену, делает это в новом и отличном от других облике. К этому разряду «обновителей» следует отнести иезуита Франсуа Помея, книга которого озаглавлена «Новый кандидат риторики, ослепительнее прежнего» (Мюнхен, 1672, ин-дуодецимо). Он построил риторические наставления по какому-то своему пути и духу. Впрочем, по преимуществу ничего нового у него нет, но иногда он скорее запутывает, чем помогает. Он тщателен в фигурах и наставлениях об усилении, но рассказывает о них совершенно странным и неслыханным образом. Таков, например, его способ находить усиливающие доводы, которые предложены в 6-й прогимнасме; нет, дескать, нужды ни в каком искусстве, но, напротив, некоторые из них выбираются словно бы случайно. Как это глупо — немедленно находить доводы в том, что попадаетея на глаза, и в любых существительных и прилагательных, которые встретятся в словаре! А именно такие способы советует автор. Этот безыскусный подход служит разве что для подготовки пустых болтунов. На него похожа та самая Луллиева говорливость^а, которая, однако, тоже на удивление нравится некоторым. Конечно, есть аналогия между всеми предметами, из которой с помощью какой-то премудрой связи можно даже извлекать некоторые сказуемые, так или иначе подходящие к своему подлежащему; но этот способ уже предполагает наличие искусства. А вот хотел бы я посмотреть, сколь прелестную речь учинит мне тот оратор, который выйдет в свет, вооружившись только этим щитом, а риторическому искусству поучившись не много. Впрочем, я не отрицаю, что мужам, поупражнявшимся в риторике, в случае необходимости, когда их подводит память, такие способы могут помочь. Таковы и рекомендации Жана-Сесилия Фрэ в 1-й главе 2-й части его «Новой простейшей

---

^а См. § 10.

vero ejus, qui scripsit, nomine prodiit. Unicum ejus opus est, sub varia epicherematum forma orationes extemporales formare. Sed, si verum fateri velimus, nequaquam est plus facultatis ex tempore perorandi in hac ratione, quam alia: omnes enim orationes praesupponunt argumenta: sive illa uno syllogismo, seu pluribus, comprehendantur: eodem res recidit. Interea tironibus eo modo non male consultum est; qui ad epicheremata elaboranda maturius, quam ad aliud progymnasmatum genus, praeparari debent. Chriae quoque ipsae nihil aliud, quam syllogismi et epicheremata sunt, quorum medii termini, ut in scholis vocant, locis quibusdam Dialecticis sunt illustrati. Atque huic etiam scopo praecipue inservit alius Jesuita, SIGISM. LAUXMIN, *Praxi Oratoria* sua Francofurt. A. 1665. in 12. excusa, qua illud potissimum intendit, ut doceat, periodos et enthymemata conficere, atque ex iis Orationes integras: exigua quidem, quod non diffitendum, opera, sed tironibus tamen non inutili, in rudimentis artis Rhetoricae per ἐπιχειρήματα ponendis. Nec defuit ex eadem Societate alius, qui connectendi ad transitionem artificium libello erudito ostenderet, JACOBUS HUGUES, cui titulum quoque fecit *Artificium Connexionum et transitionum*: Moguntiae primum edito, si recte memini, ac deinde Wittebergae, obstetricante G. C. Kirchmajero, A. 1657. recuso. Eo majorem vero laudem meruit, quo certius constat, primum illum connexiones formare docuisse per periodos, membra majora et minora, tam per particulas, quam per figuras et formulas, in prosa aequae et ligata Oratione.

дороги к наукам, языкам, речам без подготовки» (Йена, 1674, ин-дуодецимо), ранее изданной в Париже. Таково же и средство, которым часто пользуются говорящие публично: последнее слово периода обращено к новому периоду, так что благодаря поиску в последнем слове связи мыслей в результате складывается какая-никакая речь. Умение говорить без подготовки по мере сил старался развивать Михаэль Радау в «Ораторе, говорящем без подготовки». Эта книга сначала вышла под ложным именем Георга Беккера, а позднее под именем истинного автора. Единственная его задача — в виде различных эпихирем составлять речи без подготовки. Но, признаться честно, этот принцип не лучше развивает способность говорить без подготовки, чем другие. Все речи предполагают наличие доводов; охватывает ли их один силлогизм или несколько — получается одно и то же. Между тем, таким образом оказана немалая поддержка учащимся, которые должны готовиться к оттачиванию эпихирем раньше, чем к другому виду прогимнасм. Также и сами хрии — не что иное, как силлогизмы и эпихиремы, коих средние термины, как их называют в школах, объясняются некоторыми диалектическими общими местами. И эту цель по преимуществу преследует также другой иезуит, Сигизмунд Лауксмин, в своей «Ораторской практике» (Франкфурт, 1665, ин-дуодецимо), где он стремится прежде всего научить составлению периодов и энтимем, а из них — целых речей. Следует признать, что труд этот крошечный, но учащимся он не бесполезен при изложении основ риторики через эпихиремы. Был и другой член того же ордена, Жак Юг, который в ученой книжке, озаглавленной им «Искусство связок и переходов» — впервые, если я правильно помню, изданной в Майнце, а затем переизданной в Виттенберге (1657) заботами Георга Каспара Кирхмайера — объясняет искусство нахождения связок для перехода. Он заслужил тем бóльшей похвалы, что первым, как известно, научил составлять связки по периодам, большим и малым членам при помощи как частиц, так и фигур и формул, равно в прозаической и поэтической речи.

19. Praeterimus Jesuitas alios: cum, qui supersunt, praeter eos, quos diximus, in Rhetorica arte clari, pauci admodum sint. Sunt vero et ante illos ponendi alii, quorum nomina praetereunda non duco. Quam splendide de GEORGIO TRAPEZUNTIO senserit Andr. Schottus, atque ut eum recentioribus prope omnibus praeferat, et suo merito doctis admirationi fuisse dicat, supra jam, cum de Hermogene diceremus, indicatum est. Et quid mirum, *Rhetoricen* ejus magni habitam, jamque olim *perpulchram* a Trithemio judicatam; cum ex optimis Aristotelis Hermogenisque praeceptis tota coaluerit, suppletumque ex alterutro habeat; quod alteri deest. Prodiit ea Rhetorica Trapezuntii, post alias editiones, emendatius Basileae 1522. in 4to, ibid. 1538. et Venet. 1560. in 4to.

20. Haudquaquam Trapezuntio minor JOH. LUDOV. VIVES intra paucos annos (erat enim ὀψιμαθής) nobilissimas aliquot lucubrationes, docte prorsus et accurate conscriptas, edidit: in quibus, ut ait Gesnerus, eloquentiae sapientiam ita conjunxit, ut nemo eruditus non cum aliquo fructu earum se lectionem hausisse fateatur. Sunt vero lucubrationes illae, quae ad institutum istud nostrum pertinent, praeter librum *de conscribendis Epistolis*, qui in pretio habetur, *Commentarii de ratione studii legendi interpretandique: De ratione colligendi exempla: Latinae linguae exercitatio*. Inprimis vero spectat ad h. l. *Rhetorica*, seu de ratione dicendi libri III. ac *de consultatione liber*; quos conjunctim Rob. Winter Basileae A. 1537. in 8. excudit. Pertinet quoque huc, ex aureo de tradendis disciplinis opere liber Quartus, qui *de corrupta Rhetorica* agit, eique restituendae subsidia undique conquirat.

19. Пропустим других иезуитов: из остальных, кроме уже упомянутых, очень немногие добились славы в риторическом искусстве. Но и эти упомянутые уступают другим, чьи имена, на мой взгляд, не стоит пропускать. Сколь высокого мнения о Георгии Трапезундском был Андре Схотт, предпочитающий его почти всем позднейшим риторам и говорящий, что он своими заслугами вызвал восхищение ученых людей, мы уже указали выше, когда вели речь о Гермогене. Нет ничего удивительного в том, что его «Риторика» высоко ценима и уже давно названа Тритемием «прекраснейшей», поскольку она вся сложилась из лучших указаний Аристотеля и Гермогена и в каждом из них восполнила на основании другого то, чего ему недоставало. Эта «Риторика» Трапезундца после прочих изданий вышла в наиболее выверенном виде в Базеле (1522, ин-кварто; 1538) и в Венеции (1560, ин-кварто).

20. Ничуть не менее значителен, чем Трапезундец, Хуан Луис Вивес, который за несколько лет — ибо учиться он стал поздно — издал несколько славнейших трудов, написанных с большой ученостью и тщанием. В них, как говорит Геснер, он так соединил красноречие с премудростью, что всякий образованный человек признает, что из их чтения почерпнул ту или иную пользу^а. К нашему предмету из них относятся, помимо высоко ценимой книги «О написании писем», «Записки о принципе учения, чтения и толкования», «О принципе собирания примеров»^б, «Упражнение в латинском языке». Однако в первую очередь сюда относится «Риторика, или О манере речи» в трех книгах, а также книга «О рассуждении». Их вместе издал Роберт Винтер (Базель, 1537, ин-октаво). Сюда также относится четвертая книга блестящего труда «О преподавании наук», в которой речь идет об искажении риторики и разыскиваются разнообразные меры для ее восстановления.

---

^а C. Gesnerus. Bibliotheca Universalis. Tiguri, 1545. P. 431.

^б В действительности автор последних двух работ — Эразм Роттердамский.

21. Neque hic silentio praetermittendus ERASMI ROTERODAMI *de copia verborum et rerum* libellus utilissimus, notior nomine, quam usu frequens: et qui tamen optimas profecto dat orationis ornandae atque amplificandae regulas. Edidit illum, cum Commentario et Exemplis, Joh. Micraelius anno, ni fallor, 1655. in 8. EDMUNDI RICHERII librum *de figurarum arte, et causis eloquentiae*, Paris. 1605. in 8. editum, etiam nominandum arbitror, quippe in quo figuras Grammaticas egregie explanavit, sed non aequè Rhetoricas. Edidit tamen librum alium *de arte et causis Rhetoricae*^a, quo methodum quoque monstrat eam ad usum vitae civilis revocandi, Paris. 1629. in 8. De Elocutionis imitatione ac apparatu JACOBUS OMPHALIUS, Jctus, edidit Opusculum non contemnendum: nam et optimas imitandi regulas proposuit, et formularum conficiendarum rationem dedit. Adjunctae sunt ejus Epistolae familiares in usum tironum, Paris. 1579. Col. 1602. in 8. Transeo JOH. BENZII^b *de figuris* libros, Argentorati 1606. editos in 8. qui nihil aliud, quam figurarum Catalogum, et applicata iis magno numero ex Oratoribus et Poëtis exempla continet. Neque admodum isthuc pertinet NICOL. SUSII *Lima Ciceroniana*, quo libro generalia quaedam de caractere et stylo praecepta continentur. Prodiit Antwerpiae 1620. in 8vo, et, cum Nic. Vernuleji *Rhetorica*, Jenae 1631. in 12. Magis adhuc sollicitè de stylo agit vir doctissimus, JOH. SCHEFFERUS, in *Gymnasio styli*, Upsaliae An. 1657. et 1665. primo, mox et Jenae 1670. edito. Multa enim inibi de hoc themate, tum et de progymnasmatibus Sophistarum et orationum variis characteribus, utilissima collectanea et praecepta traduntur. *De numero Oratorio* libros quinque scripsit, et hanc doctrinam singulari cura explicatam dedit JOVITA RAPICIUS, Brixianus. Elegans ejus editio prodiit Venetiis in fol. 1554. Recusus postmodum liber ille in Germania Coloniae A. 1632. in 8vo, comitem nactus est JAC. LUDOV. STREBAEI *de Electione et oratoria verborum collocatione* librum, qui olim A. 1540. prodierat; et in quo, quae ad numerum linguae Latinae, tam in prosa, quam in ligata

---

^a De arte et Rhetorica *edd.* 1714, 1732; De arte Rhetorica *ed.* 1747.

^b BRENZII *edd.*

21. Здесь нельзя также обойти молчанием полезнейшую книжку Эразма Роттердамского «Об изобилии слов и предметов», которая более известна по названию, нежели употребляется на практике, хотя дает поистине прекрасные правила украшения и усиления речи. Ее издал с комментарием и примерами Иоганн Люткешвагер, если не ошибаюсь, в 1655 году ин-октаво. Также следует, как мне кажется, упомянуть книгу Эдмона Рише «Об искусстве фигур и основаниях красноречия» (Париж, 1605, ин-октаво), в которой замечательно объяснены грамматические фигуры, чего не сказать о риторических. Однако он издал и другую книгу, «Об искусстве и основаниях риторики», в которой также показывает способ вернуть это искусство в употребление в гражданской жизни (Париж, 1629, ин-октаво). Заслуживающий уважения труд «О подражании стилю и прикрасах в нем» издал иезуит Якоб Омфал: он предложил и прекрасные правила подражания, и принцип составления формул. В его издание (Париж, 1579; Кёльн, 1602, ин-октаво) включены также «Письма близким», предназначенные для использования учащимися. Я пропускаю книги Иоганна Бенца «О фигурах» (Страсбург, 1606, ин-октаво), которые содержат не что иное, как каталог фигур и иллюстрирующие их многочисленные примеры из ораторов и поэтов. Не очень большое отношение к нашему предмету имеет и книга «Цицеронов резец», в которой содержатся некоторые общие указания о стиле и манере письма (Антверпен, 1620, ин-октаво; Йена, 1631, ин-дуодецимо — вместе с «Риторикой»). С еще большей заботой о стиле рассуждает учёнейший муж Иоганн Шеффер в «Гимнасии стиля» (Упсала, 1657, 1665; Йена, 1670). Там дано много полезнейших сведений и наставлений по этой теме, а также о прогимнасах софистов и различных стилях речей. Джовита Равицца Брешианский написал в пяти книгах «Об ораторском ритме», с исключительной заботой преподав это учение. Изящное издание этой книги вышло в Венеции (1554, ин-фолио), а позднее она была переиздана в Германии (Кёльн, 1632, ин-октаво) вместе с книгой Жака Луи Стребе «О выборе и ораторском расположении слов», ранее опубликованной в 1540 году. В последней излагается то, что относится к ритму латинского языка — как в прозаической речи, так

oratione, spectant, exponuntur. Est alias iste Strebaeus inter Ciceronis Commentatores, in cujus scilicet libros de Arte Rhetorica et de Perfecto Oratore scripsit.

22. Dum vero ita de iis agere instituimus, qui per partes solum artem Rhetorum pertractant, pene dememinisse videri possumus Virorum doctorum, qui artem integram magno conatu, neque minus felici, tradunt. Atque hic primum sibi ante alios omnes locum vindicat GERHARDUS JOH. VOSSIUS, cujus non solum *de Natura et Constitutione Rhetorices* liber, et subjuncta illi Tractatio de antiquis Rhetoribus, Sophistis ac Oratoribus, quam calluerit Vir ille magnus artem lectissimam et quanta cura e veteribus collegerit, notum facit; sed luculentius adhuc operosae et plenissimae *Oratoriae Institutiones*, Opus mira diligentia concinnatum, et quod in Veterum Rhetorum lectione illum longe fuisse versatissimum demonstrat, quos etiam nisi habuisset antesignanos, vix adeo feliciter in hoc argumento versatus fuisset. Recte interim judicavit Buchnerus, lib. de Commutata Rat. dicendi p. 444. Vossio neminem †temere†, post Aristotelem, orandi artem uberius et accuratius tradidisse. Multoties, tum in Belgio, tum in Germania, variisque formis, excusum recusumque Oratorium istud Opus Vossianum. Inter primas *editiones* ea est, quae An. 1606. prodiit in 8. sed optima, quae Lugduni Batav. 1643. in 4. lucem adspexit. Liber de natura Rhetorices iterata Editione auctior editus Hagae Com. 1658. in 4. Reliquit et *de imitatione Oratoria* librum, suo Auctore non indignum: et *Rhetoricam contractam*, quae in usum scholarum foederati Belgii scripta est, et ita Compendium Rhetoricae majoris sistit, ut exemplis aliis utatur.

23. Vossium sequatur Hispanus PETRUS JOH. NUNNESIUS, magni nominis apud suos Vir, et quem, uti supra dictum, Andr. Schottus ex Hispanis noverat, inter claros Rhetores nominandum. Nec putandum est, amicitiae hic aliquid dedisse Schottum, quam cum Nunnesio arctiorem coluit: sed fuisse id commune Hispanorum suffragium, inde discas, quod ingenti stipendio a Barcinonensibus ad docendam ibi Eloquentiam Graecamque linguam evocatus est, referente de Scriptor. Sec. XVI. Miraeo, c. 139^a. *Rhetoricam* ejus,

---

^a 133 *edd.*

и в поэтической. А еще этот Стребе вошел в число комментаторов Цицерона, написав о его книгах «О риторическом искусстве» и «О совершенном ораторе».

22. Начав таким образом рассуждать о тех, кто разбирает искусство риториков только по частям, мы, как может показаться, почти забыли об ученых мужах, которые с великим усердием успешно преподают всю риторику целиком. И здесь первого места более всех других заслуживает Герхард Иоганн Фосс. Не только его книга «О природе и составе риторики» и примыкающее к ней «Рассуждение о древних риториках, софистах и ораторах» показывают, насколько этот великий муж владел изысканнейшим искусством и с какой заботой он делал выписки из древних — еще яснее это становится по добросовестно написанным и подробнейшим «Наставлениям оратору», труду, составленному с удивительным усердием, который показывает, что чтением древних риториков он занимался намного больше, чем кто-либо еще; а не будь они его предводителями, едва ли был бы он так успешен в этом предмете. Между тем Бухнер в книге «Об изменившейся манере речи» (с. 444) верно отмечает, что после Аристотеля никто не преподавал ораторское искусство подробнее и тщательнее, чем Фосс. Этот труд Фосса многократно в разном виде печатался и перепечатывался как в Бельгии, так и в Германии. Среди первых изданий — вышедшее в 1606 ин-октаво, но лучшее — то, которое увидело свет в Лейдене (1643, ин-кварто). Книга «О природе риторики» во втором, дополненном издании вышла в Гааге (1658, ин-кварто). К его наследию относятся и книга «Об ораторском подражании», вполне достойная своего автора, и «Сокращенная риторика», которая написана для школ Соединённых провинций (совр. Нидерланды — *перев.*) и представляет собой компендий большой «Риторике» с использованием других примеров.

23. Вслед за Фоссом назовем испанца Педро Хуана Нуньеса, который знаменит среди земляков своих и которого, как было сказано выше, Андре Схотт счел нужным назвать в числе славных риториков в качестве представителя Испании. И не стоит думать, что Схотт поступил так в силу своей тесной дружбы с Нуньесом: о том, что таков был бы и общий выбор самих испанцев, можно понять по тому, что жители Барселоны позвали

cujus meminit Andr. Schottus, nunquam vidi: sed tantum *collectionem Epithetorum*, quorum in amplificandis periodis magnus usus est, e Cicerone: qui liber, post plurimas Germanas atque Gallicas Editiones, Coloniae quoque 1571. prodiit. Scripsit alias de Epithetis etiam *Sebast. Figulus*: ast quo melior est Nunnesius. Similis ferme labor est, quem de Adverbiis epithetorum vicem haud raro explentibus, sibi sumsit *Hubertus Susannaeus*, qui Connubium Adverbiorum Ciceronianorum edidit; quod et seorsim, et cum Steph. Doleti formulis linguae Latinae simul, Argent. 1585. in 8. prodiit. Et quoniam semel scriptoribus hujus quoque generis indulgere coepimus, nominabimus quoque *Stephanum Ubelium*, qui Synonyma Ciceroniana edidit, collectis nimirum vocibus illis, quae apud Ciceronem et alios conjunctim ponuntur vel vere vel apparenter synonymae. Vehementer facit ille labor ad periodum concinnandam. Prodiit Leovardiae 1607. in 8. Et ne quid genus vocum absque illustratione maneret; en tibi festivum libri titulum: *Antithetorum amica simultas, arbitris Plauto, Terentio, Cicerone, Caesare*. Scripsit illum *Augustinus Gambarella*, et collegit inibi voces, quaecunque sibi aliqua saltem ratione opponuntur: ut sic eo faciliorem vocum proprietatem redderet addiscendam. Mediolani 1606. in 4. Videntur quidem Auctores, quos modo recensuimus, magis ad Grammaticum Polyhistorem, et caput de Collectoribus phrasium, pertinere: nolimus tamen, cum occasio se offerret, hic quoque eorum recensionem omittere, praesertim cum ad Rhetoricen suo etiam modo spectent.

24. Hinc temperare nobis non possumus, quin adhuc addamus WOLFFGANGUM SCHOENSLEDERUM, *Apparatus Eloquentiae*, Monachii primo 1630. in 8. et saepius alibi, evulgati, Auctorem: quo libro, dum Synonyma sub titulis generalibus collegit, optime omnino de eloquentia meruit, nullusque et ad usum accomodatior liber, quam ille: adeo optima semper ex Auctoribus, non quibusvis, sed praecipuis, magno judicio collegit. *Phil. Paraei* minimam^a Calligraphiam, simili in arena currentem, longo post se intervallo relinquit, quae merum chaos est, ac mira titulorum confusione summa imis miscet. Dolendum vero, non prodiisse Schoenslederi partem alteram, qua^b

---

^a minimum *edd.*

^b quo *edd.* 1732, 1747.

его за огромное жалование преподавать у себя красноречие и греческий язык, как сообщает ле Мир («О писателях XVI века», гл. 139). Его «Риторику», о которой упоминает Андре Схотт, я никогда не видел; а видел только «Собрание Цицероновых эпитетов», от коих велика польза при усилении периодов. Эта книга после множества изданий в Германии и во Франции вышла, среди прочего, в Кёльне в 1571. Еще об эпитетах писал Себастиан Тёпфер; но Нуньес лучше его. Похож на указанные также труд о наречиях, нередко играющих роль эпитетов, который взял на себя Убер Сузано, издавший «Свадьбу цицероновых наречий». Эта книга выходила и отдельно, и вместе с «Формулами латинского языка» Этьена Доле (Страсбург, 1585, ин-октаво). А раз уж мы завели речь о писателях такого рода, назовем также Стефана Убеля, который издал «Цицероновы синонимы» (Леуварден, 1607, ин-октаво), собрав слова, которые у Цицерона и других используются вместе и при этом или истинно, или внешне синонимичны. Труд сей чрезвычайно полезен для упорядочивания периодов. А дабы никакой род слов не оставался без описания, вот забавный заголовок: «Соперничество, дружественное антитезам, на суде Плавта, Теренция, Цицерона, Цезаря». Эту книгу написал Агостино Гамбарелло; там собраны слова, которые хоть в каком-то отношении противопоставлены друг другу, что облегчает освоение точных значений слов (Милан, 1606, ин-кварто). Авторы, которых мы только что перечислили, скорее, кажется, относятся к «Грамматическому Полигистору», а именно к главе «О собирателях фраз»^a; однако, раз уж представилась возможность, нам захотелось перечислить их хотя бы здесь, тем более что они некоторым образом относятся и к риторике.

24. Далее мы не можем удержаться от того, чтобы добавить еще «Прикрасы красноречия» Вольфганга Шёнследера, впервые опубликованные в Мюнхене (1630, ин-октаво) и неоднократно издававшиеся в других местах. В этой книге, собирая синонимы под обобщающими заголовками, составитель оказал красноречию прекрасную услугу, и для практического использования нет книги более пригодной, чем эта: Шёнследер всюду с большой

---

^a Vol. I, lib. IV, cap. 9, § 20.

collecturus erat locos communes rerum: absolutissimos haud dubie, quantum ex hoc Opere judicare licet, daturus. Sed nunc revertimur ad Rhetoricarum Scriptores.

25. JOH. TESMARUS, Rhetoricae in Bremensi schola Professor, scripsit *Rheticarum Exercitationum libros VIII*. Amstelodami apud Elzevir. 1657. in 8. publici juris factos: quorum priores quinque sunt analytici, resolventes oratiunculas historicorum, poëtarum, etc. secundum genera causarum: reliqui tres proponunt ideas Orationum, Epistolarum, Carminum. *Ideas Orationum* edidit quoque MARC. ZUERIUS BOXHORNIIUS, civilium plerorumque argumentorum, quorum in civili vita usus praecipuus est Politices et Jurisprudentiae studiosis. Liber editus est aliquoties in Belgio, et semel 1661. Lipsiae recusus: in eo tantum reprehendi meret, quod artificium orationis non satis distincte exprimat: in quo longe magis sollicitus est *Christoph. Schraderus* in specimine Orationum Livianarum et Sleidanianarum, quae itidem hujus sunt argumenti, et civilis eloquentiae studiosis commendandae. Ineditas aliquot ejusdem Boxhornii possideo.

26. Extant MELCHIORIS *de la CERDA*, cujus mentionem supra, inter Ordinis socios Jesuitas, facere dememinimus, *Campi eloquentiae*, Coloniae 1637. in 8. impressi; sed me judice, pleni ruris: nam nihil uspiam selecti: descriptiones vagae et variae sine inventione ac ordine. Adjungo de la Cerdae similis farinae Scriptorem, sed magnum tamen puerorum delictum, JOH. MATTH. MAYFARTUM, scripsit ille *Mellificium Oratorium*, in quo Eloquentiae flores e variis Oratorum viridariis defracti, et in suas velut areolas sunt digesti. Tres vel quatuor ejus Tomi Lipsiae prodierunt A. 1633. et seq. in 8. Non placet Viri istius labor: nam paucissima habet ex Cicerone, unde tamen mellificium suum locupletare unice potuisset. Tum et inter recentiores delectum non habet, sed promiscue e quibusvis colligit, cum praeferendi fuissent probatiores. Denique nec ordo, nec ratio colligendi bona est. Longe distinctius et ordinatius procederet negotium, si quis secundum seriem vel thesium, vel rerum, vel argumentorum et enthymematum, collectanea talia institueret: nec formulas cum rebus ipsis misceret, uti factum a Mayfarto, cum rectius seorsim

взыскательностью подбирает лучшие примеры из авторов, и не каких попало, а главнейших. Крошечную книгу «Каллиграфия» Филиппа Венглера, бегущую на том же ристалище, он оставляет далеко позади себя: она представляет собой суший хаос, в котором благодаря удивительной путанице в заголовках всё перевернуто вверх дном. В то же время достойно сожаления, что не вышла вторая часть Шёнследера, в коей он намеревался собрать общие места — несомненно, в наиболее совершенном виде, насколько можно судить из его труда. Но теперь вернемся к составителям риторик.

25. Иоганн Тесмар, профессор риторики в Бременской школе, написал «Риторические упражнения» в 8 книгах (Амстердам, Эльзевир, 1657, ин-октаво). Первые пять из них — аналитические: в них делается разбор речей у историков, поэтов и др. по родам предметов речи. В остальных трех показаны планы построения речей, писем, стихотворений. «Планы построения речей» издал также Марк Зуерий ван Боксгорн. Они посвящены большинству гражданских тем, которые в основном полезны в гражданской жизни изучающим политику и юриспруденцию. Эта книга несколько раз издавалась в Бельгии, а один раз (1661) была переиздана в Лейпциге. Упрека она заслуживает только за то, что там недостаточно четко показана техника речи, о которой гораздо больше заботится Кристоф Шрадер в «Образчике речей Ливия и Шлейдена», которые также посвящены этой теме и которые можно посоветовать изучающим гражданское красноречие. У меня есть несколько неизданных речей того же ван Боксгорна.

26. Существуют «Поля красноречия» (Кёльн, 1637, ин-октаво) Мельхиора де ла Серда, упомянуть коего мы забыли выше среди его товарищей по ордену иезуитов. Но эти «Поля», по моему суждению, насквозь пропахли деревней: нигде в них не проведен необходимый отбор, а описания, расплывчатые и пестрые, лишены выдумки и порядка. К де ла Серда я добавлю писателя из похожего теста, большую забаву отроков — Иоганна Маттеуса Майфарта. Он написал «Ораторскую пасеку, в которой цветы красноречия сорваны из садов различных ораторов и распределены словно бы по своим клумбам» в трех или четырех томах (Лейпциг, 1633–34, ин-октаво). Труд сего мужа мне не по душе, ибо из Цицерона он взял

poni secundum omnes orationis partes debuissent: quod consilium sibi proposuerat *Joh. Starckius*, qui specimen ejus dedit elegans in *Locis Communibus formularum Epistolicarum*: sed labor iste in oratoriis praematura optimi viri morte intercidit.

27. Aequae spernendae sunt ac de la Cerdae et Mayfarti labores *Transitionum Rhetoricarum formulae*, a JOH. CLARCKIO^a collectae, editaeque Londini 1628. in 8. quas miror etiam in Germania recusas. Etenim parum omnino bonae frugis habet totus ille liber: et male faciunt, nec intelligunt linguam Latinam, qui eum pueris obtrudunt: totus enim ineptis quibusdam argutiis plenus est, vel ex ingenio suo, vel ex vernaculi sermonis adhaerente vitio, confictis. Ut non possit adeo frugis quicquam ex eo libro meti: et infelices sane sunt, qui tirocinium suum in quisquiliis istiusmodi terere coguntur. Idem esto iudicium de THOMAE FARNABII *Indice Rhetorico et Oratorio*, Libello exiguo, Amstelod. 1659. in 12. edito, in quo Formulas quasdam, in Orationibus et Epistolis obvias collegit, sed, ut in porta cantherius, defecit, Henr.^b Arningio, et Ivaro Petri Adolpho, et quibus Formulae itidem sunt congestae, palmam relinquens. Tale quoque est *Tirocinium Eloquendae*, seu *Rhetorica Nova* (si DIs placet), CAROLI PAJOT, qui, cum multa promittat, nihil omnino habet praeter vulgaria artis praecepta, summatim ex aliis auctoribus, sive excerpta, sive descripta. Editum est misellum Compendium Duderstadii^c 1673. in 8vo.

---

^a STARCKIO *edd.*

^b Henn. *edd.*

^c Dauderstadii *edd.*

очень мало, хотя только там мог обогатить свою пасеку. Неразборчив он и в отношении новых авторов, набирая всё вперемешку, от кого попало, в то время как предпочесть следовало наиболее уважаемых. Наконец, неудачны и порядок, и принцип собирания материала. Дело шло бы гораздо четко и упорядоченнее, если бы такое собрание было учинено в соответствии с рядом общих вопросов, предметов, доводов или энтимем, а формулы не смешивались с самим содержанием, как у Майфарта; ведь правильнее было бы расположить их отдельно по всем разделам речи. Такой замысел был у Иоганна Штарке, и изящный образчик исполнения этого замысла был явлен им в «Общих местах формул, используемых в письмах»; но такой же труд уже применительно к ораторскому искусству был прерван безвременной кончиной этого превосходного мужа.

27. В той же мере, что и труды де ла Серда и Майфарта, заслуживают презрения «Формулы риторических переходов», собранные Джоном Кларком (Лондон, 1628, ин-октаво) — странно, что их переиздали и в Германии. Ведь толку от этой книги очень мало, и те, кто навязывает ее отрокам, поступают дурно и не понимают латинский язык. Вся она полна каких-то нелепых острот, составившихся то ли по вине собственного ума автора, то ли из-за дурного влияния его родного языка. Так что никакой пользы из этой книги почерпнуть нельзя, и несчастны те, кто вынужден тратить время своего ученичества на подобного рода чепуху. Такое же суждение вынесем и о «Риторическом и ораторском указателе» Томаса Фарнаби (Амстердам, 1659, ин-дуодецимо), крошечной книжке, в которой автор собрал кое-какие формулы, встречающиеся в речах и письмах, но, словно кляча у ворот^a, утомился и уступил первенство Генриху Арнингу, Ивару Педерссёну Адольфу и другим собирателям формул. Такова и «Школа красноречия, или Новая риторика» (если так угодно богам) Шарля Пажо, который, несмотря на громкие обещания, не дает ничего, кроме обычных общих предписаний по этому искусству, где-то выбранных, а где-то переписанных из других авторов. Этот жалкий компендий был издан в Дудерштадте (1673, ин-октаво).

---

^a Cp. *Erasm. Adag.* I.5.78.

28. Pertinet quoque ad Rhetores CAROLUS SIGONIUS, cujus non solum inter Antiquarios Scriptores mentio cum honore facta est, sed et tum, cum eum consolationem Ciceroni supposuisse diximus, et inferius inter Oratores forte recurret. Is ipse igitur librum *de Dialogo* scripsit, Venet. 1562. in 4. editum, in quo tradit praecepta Dialogi scribendi. Hanc vero scribendi rationem omnino ad eloquentiam pertinere, vel illud argumento est, quod ab eloquentissimis viris Graecis et Latinis frequenter fuerit adhibita, ut testantur Platonis et Ciceronis scripta.

29. Spectat quoque ad Rhetorice scriptio Historiarum. Rhetoris enim est, praescribere, quo caractere historia sit scribenda: quod argumentum diligenter admodum persequitur SEBAST. MACCIUS, Philosophus, Theologus, et JCTus, Eques et Comes Palatinus, in libris tribus *de Historia scribenda*, quos Venet. 1613. in 4. publici juris fecit. Idem argumentum postea fusius deduxit AUGUSTINUS MASCARDUS libro elegantissimo Italica lingua scripto *della arte Historica*, Venet. 1655. in 12. Est et Casp. Scioppii judicium de stylo historico, quod editum cum ejus Infamia Famiani, Sorae 1658. in 12.

30. Peculiare sibi et plane elegans argumentum e Rhetoricis pertractandum sumsit Vir πολύγραφος admodum, et aliis e scriptis notissimus, LEO ALLATIUS, scripta *de Erroribus Magnorum Virorum in Dicendo Dissertatione* Historica, ad Slingelandum, Protonotarium Apostolicum: Romae An. 1635. in 8. Censuram illic instituit in Autores tum veteres, tum recentiores, monstratque, ubi illi defecerint in orationis Caractere idoneo exprimendo. Veterum pleraque hausit ex Claud. Verderii stulta Auctorum censura, non apposito interdum illius nomine. Et sane Leo Allatius non valuit isto judicio, ut censuram sibi in re tanta sumere potuisset: aliis plane hic ingeniis opus est.

28. К риторам также относится Карло Сигонио, коего мы почтительно упомянули и среди знатоков древностей^а, и тогда, когда сказали, что он сочинил «Утешение», приписывавшееся Цицерону^б, да и ниже среди ораторов он, может быть, встретится^в. Так вот, он же написал книгу «О диалоге» (Венеция, 1562, ин-кварти), в которой дает указания по написанию диалога. То, что такое творчество напрямую относится к красноречию, доказывается, например, тем, что им часто занимались самые красноречивые из греческих и латинских авторов, как свидетельствуют произведения Платона и Цицерона.

29. К риторике относится и историография, ибо учить тому, в каком стиле надлежит писать историю — дело ратора. Этим предметом усердно занимается Себастьяно Маччо, философ, теолог и иезуит, рыцарь и граф-палатин, в трех книгах «О написании истории» (Венеция, 1613, ин-кварти). Еще пространнее о том же предмете повествует Агостино Маскарди в изящнейшей книге «Об историческом искусстве», написанной по-итальянски (Венеция, 1655, ин-дуодецимо). Существует и «Рассуждение об историческом стиле» Каспара Шоппе, изданное вместе с его «Позором Фамиано» (Сорё, 1658, ин-дуодецимо).

30. Особенный и весьма изящный предмет из риторики взялся рассматривать Лев Аллаций, муж весьма плодovitый и известный по другим своим произведениям. Ему принадлежит «Историческое рассуждение о речевых ошибках великих людей, к ван Слингеландту, апостольскому протонотарию» (Рим, 1635, ин-октаво). Аллаций подвергает оценке древних и новых авторов и показывает, где им не удалось выразиться в надлежащем стиле. Большую часть материала по древним авторам он почерпнул из глупой «Оценки авторов» Клода дю Вердые, местами не упоминая его имени. И Лев Аллаций оказался не слишком силен в этом своем суде и попытке взять на себя роль оценщика в столь трудном предмете: тут нужны совершенно другие умы.

---

^а Vol. I, lib. V, cap. 2, § 7.

^б Vol. I, lib. IV, cap. 11, § 3.

^в Не встретился.

31. Talia vero ubere proventu ferre inprimis hodie Gallia consuevit, in qua pulcherrimorum librorum, ad Rhetoricen facientium, et vernaculo scriptorum sermone, magna satis copia est, inprimis postquam optimatum favore istiusmodi^a ingenia provocantur. Est, qui Rhetoricam Aristotelis in Gallicum transtulit sermonem, et eximiis insuper commentationibus illustravit. Aristotelem enim e veteribus unum acu rem tetigisse haud abs re judicant, nec ab eo facile recedunt: quorsum et RENATUS RAPINUS legi meret in elegantissimis suis de Eloquentia cogitationibus: *Reflexions sur l'Eloquence*: quae Miscellaneis ejus operibus, ad juvandas bonas literas scriptis, insertae sunt. Est alias et ANONYMUS quidam, qui duobus libris Rhetoricam tradidit: quorum prior vocatur *de l'Art de Parler*; alter *de l'Art de Persuader* 1676. in 12. Non quidem differunt ejus Viri praecepta a communibus; sed occurrunt tamen aliqua commatis non vulgaris, fuitque Vir sine dubio doctissimus, et judicii non contemnendi: distinxit autem artem persuadendi ab arte dicendi, et priore illo agit de inventione enthymematum; altero de variis characterum generibus, figuris, ceterisque ad orationem ornandam pertinentibus. Taceo Renatum Bary, consiliarium et Historiographum Regium, qui librum edidit, sub titulo: *la Rhetorique Françoise*, Amstelod. 1669. inprimis, quod figuras spectat, non contemnendum. Ei dissertationem praeliminarem praefixit Joh. Franc. Grandis, quae intentionem Auctoris et Operis pluribus declarat. Dirigit autem omnia ad sermonis Gallici genium, cum alter ille magis in communi et abstracto Rhetoricam proponat. Multa vero egregia, ad Rhetorices explicationem, libellis variis in medium attulit DOMINICUS BOUHOURS, Jesuita Parisiensis, qui ut plurimum exemplis docet, quae ex antiquis aequae ac recentioribus scriptoribus hinc illinc collegit, et sua deinde κρίσει examinat illustratve. Estque inprimis commendandus ejus libellus, quem Rationem bene cogitandi inscripsit, *la Maniere de bien Penser dans les Ouvrages de l'esprit*: in quo summo studio τὸ περὶ τὰς νοήσεις ἀδρεπήβολον^b, ut Longinus vocat, sive sensuum sublime, examinat, variasque in classes distribu-

^a istiusmodi ed. 1747.

^b ἀδρεπήβολον edd. 1732, 1747.

31. А таковые в изобилии, особенно теперь, имеет обыкновение порождать Франция, в которой достаточно велико количество превосходных книг по риторике на национальном языке, особенно с тех пор как такого рода таланты стало поощрять благоволение знати. Кое-кто перевел на французский язык «Риторику» Аристотеля и снабдил вдобавок замечательными комментариями. Ведь небезосновательно считают, что Аристотель единственным из древних попал в самую точку, и от него не так просто отступить. В связи с этим заслуживают прочтения и изысканнейшие «Размышления о красноречии» Рене Рапена, которые включены в сборник его сочинений на разные темы, написанные для поддержки изящной словесности. Еще есть некий аноним, написавший учебник по риторике в двух книгах. Первая из них называется «Искусство говорить», вторая — «Искусство убеждать» (1676, ин-дуодецимо). Указания сего мужа не отличаются от общепринятых, однако встречается и кое-что необычной чеканки; автор был, без сомнения, чрезвычайно ученый, и его суждение не следует оставлять без внимания. Он отличает искусство убеждать от искусства говорить и в одной книге рассуждает об отыскании энтимем, а в другой — о различных родах стиля, фигурах и других вещах, относящихся к украшению речи. Промолчу о Рене Бари, королевском советнике и историографе, издавшем книгу «Французская риторика» (Амстердам, 1669). Она заслуживает внимания в первую очередь в том, что касается фигур. Жан Франсуа ле Гран предпослал этой книге вводное рассуждение, в котором пространно разъясняет замысел автора, сводя всё к духу французского языка, в то время как сам Бари излагает учение о риторике более общо и отвлеченно. Парижский иезуит Доминик Буур в различных книжках дал много выдающихся указаний по объяснению риторики. В основном он учит при помощи примеров, которые собрал как из древних, так и из новых авторов и подверг своему суду. В первую очередь можно посоветовать его книжку под названием «Способ здраво размышлять в духовных произведениях», в которой он с величайшим усердием исследует то пер

tum ita egregie, allatis ubique plurimis exemplis, pertractat, ut non minorem fructum, quam delectationem, afferat. Editus est libellus secunda vice Amstelodami 1688. in 12. cui et in vicem partis secundae additus libellus alius, sub titulo: *Pensées ingenieuses*: in quo itidem longe plurima ejus generis, et jucunda et utilia, occurrunt. Sunt et plures adhuc Gallici Eloquentiae magistri, sed quos nunc quidem recensere non vacat.

32. In Germanica lingua artis Rhetoricae laborem in se suscepit CHRISTIANUS WEISIUS *im politischen Redner*. Diu fuit ante ipsum desideratus talis labor: in quo tentavit tamen aliqua RUDOLPHUS SATTLER^a *in seiner Teutschen Rhetorica*, et Meyfartus: neque displicuit mihi Sattleri^b labor: qui, in Orthographia et Phraseologia sua Germanica, alio libro, monstravit veram contexendi Germanicas periodos rationem. Alioquin plerique Scriptores illi plus artis et eruditionis ostentare volunt in rebus ipsis, quam opus est. Et forte nimio cultu laborat Weisii institutio, nam multa immiscet orationibus suis, inprimis civilibus, ornamenta, vel poëtica, vel alia, quorum nullus in aula usus est.

---

^a SADELER *edd.*

^b Sadeleri *edd.*

τὰς νοήσεις ἀδρεπήβολον, как называет это Лонгин^а, т. е. возвышенность чувств, и, разделив ее на разновидности и всюду приводя множество примеров, рассматривает столь выдающимся образом, что приносит и пользу, и усладу. Во втором издании этой книжки (Амстердам, 1688, ин-дуодецимо) в качестве второй части к ней добавлена другая, под названием «Остроумные мысли», в коей также можно найти великое множество приятного и полезного в том же роде. Есть и другие французские учителя красноречия, но не будем теперь тратить время на их перечисление.

32. Труд написания риторики на немецком языке взял на себя Кристиан Вайзе в «Политическом ораторе». Потребность в таком труде существовала задолго до него, и кое-какие попытки предпринимались Рудольфом Заттлером в его «Немецкой риторике» и Майфартом. Труд Заттлера пришелся мне по душе. В другой своей книге, «Немецкой орфографии и фразеологии», он показал правильный способ составления периодов по-немецки. В остальном же большинство таких писателей хотят показать больше, чем нужно, искусства и образованности в самой сути дела. Наставления Вайзе, пожалуй, страдают излишней изысканностью: он примешивает к своим речам, в первую очередь гражданским, много поэтических и прочих украшений, от коих в зале нет никакой пользы.

A. Vetushko-Kalevich. The rhetorical section in the D. G. Morhof's "Polyhistor".

The chapter deals with the rhetorical section in the "Polyhistor" — a monumental bibliographical source composed by Daniel Georg Morhof (1639–1691) that was virtually neglected by scholars so far.

---

^a Longin. VIII.1.